

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Что происходит в ту
минуту, когда человек
и стихия сходятся в
поединке один на один?
Об этом говорят великие
полотна, и разве не об
этом – жизнь каждого
из нас, когда судьба
обрушивается на нас со
всей мощью девятого
вала...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Тайное сокровище Айвазовского

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Тайное сокровище Айвазовского

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Тайное сокровище Айвазовского / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-90737-3

Кто знает, какие тайны хранят картины, известные нам с детства в каждой линии и детали? Вдруг и «Девятый вал» Айвазовского – не просто рассказ о встрече человека и стихии, а зашифрованное послание, где верхушка мачты служит стрелкой компаса, а число людей на плоту указывает на метры или ступеньки, которые нужно преодолеть, чтобы добраться до тайника с кладом? Три поколения семьи, увлекаясь и разочаровываясь, проходя через преступления и измены, будут искать ответ, чтобы открыть наконец заветную шкатулку Ивана Айвазовского.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90737-3

© Алейникова Ю. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юлия Алейникова

Тайное сокровище Айвазовского

© Алейникова Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

В ночь с 1-го на 2 мая 1900 года мирно скончался во сне великий художник-маринист Ованес Айвазовский. Ему было восемьдесят два года. Он умер, так и не узнав ответа на вопрос, преследующий его всю жизнь.

Ранним утром 2 апреля того же года, в Вербное воскресенье, в феодосийском доме Айвазовского зазвонил колокольчик – посыльный принес корзину цветущих ландышей. За первой корзиной последовали другие – маки, мимозы, тюльпаны, нарциссы. . . В праздничные дни жители города задаривали обожаемого художника цветами. Вечером Иван Константинович пожелал выпить чаю на балконе, который утопал в цветах. Корзина с ландышами стояла на инкрустированном чайном столике.

Айвазовский смотрел на них и ощущал смутную тоску. Ему казалось, будто эти ландыши он уже где-то видел. Художник поделился с женой, Анна Никитична – молодая цветущая красавица – с улыбкой ответила, что точно такую корзину видит каждое Вербное воскресенье год за годом и все хочет спросить, от кого это, да забывает.

Неужели он сам раньше не замечал? Оказывается, нет. Слишком много в доме цветов.

От кого же эти ландыши? Здесь нет ни записки, ни визитной карточки. Как таинственно! Он запомнил только посыльного – высок, сед, в потертом сюртуке, такого хотелось нарисовать. Анечка постаралась успокоить мужа: мало ли в Феодосии стариков в потертых сюртуках? Наступит следующее Вербное воскресенье, и все прояснится, к чему тревожиться. Но Айвазовский так и не успокоился, он был уверен, что здесь кроется что-то важное, без чего жизнь его, счастливая и долгая, останется неполной.

Шел 1839 год. Иван Айвазовский, талантливый начинающий художник, жил тогда в Петербурге. В тот судьбоносный день он возвращался из Академии художеств и не заметил несущуюся вскачь упряжку. Успел отбежать, но потерял равновесие и едва не упал. В экипаже сидела дама под белой вуалью. Испуганная, она возбужденно что-то говорила по-французски. Аромат духов, грация, изящество – все вскружило голову пылкому юноше. Пока незнакомка подвозила молодого человека к его дому, он все время бормотал: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь». На прощание дама поинтересовалась, как зовут жертву кучерской неосторожности, но сама так и не представилась.

Айвазовский сидел дома и грезил о дивной незнакомке, когда к нему ввалились друзья, огорченные, что не смогли раздобыть билеты на «Сильфиду» с божественной Тальони в главной партии. Вдруг на пороге возникает посыльный с письмом. Айвазовский вскрывает надутый конверт, оттуда выпадают билеты. . . На саму Тальони, да не на галерку, а в четвертый ряд! Недоумению нет конца.

Взяв напрокат фраки, приятели отправились в театр и громче всех рукоплескали прекрасной итальянке. Мария Тальони в этот вечер была божественно грациозна. А потом молодые люди побежали к артистическому подъезду, чтобы еще раз увидеть легконогую балерину. Из дверей выпорхнула Тальони, возбужденная публика рванулась ей навстречу. Юноши, намереваясь сдержать толпу, схватились за руки. Добравшись до кареты, Тальони вдруг оглянулась. Она узнала Айвазовского.

– Месье Гайвазовский! – Очаровательная балерина бросила ему букет роз. Да, это была она, его прекрасная дама!

– Сто рублей за цветок, молодой человек, умоляю! – тут же подлетели к нему обезумевшие балетоманы. Но он бросился бежать, прижимая к груди драгоценный букет, а вослед неслись завистливые крики: «Счастливчик!»

Спустя несколько дней балерина покинула Петербург, а Айвазовский, мысли которого были только о ней, совсем потерял голову. Осенью того же года он получил аттестат об окончании академии, свой первый чин и личное дворянство. Но карьерные перспективы мало занимали влюбленного, и он принялся хлопотать о пенсионерской поездке в Италию, чтобы вновь увидеть прелестную Марию. И ведь смог убедить президента академии, что ему, как маринисту, необходимо быть в Венеции. Летом 1840 года он прибыл в Италию.

Увы, балерины в ее венецианском доме не было. Покрутившись на гондоле вокруг палаццо с темными окнами, Айвазовский решил дождаться ее, употребив время с пользой, и посвятил себя работе.

В ожидании приезда Тальони художник писал Венецию. Его картины раскупали, сам папа Григорий XVI купил для Ватикана его «Хаос». Это был оглушительный успех. Однажды Айвазовскому сказали, что пару его картин купила сама Тальони. Для него это означало, что она вернулась в Италию. Он еще не успел подумать, под каким предлогом покажется предмету своих грез, как в гостиницу доставили письмо в знакомом голубом конверте, в котором снова обнаружили билеты на «Сильфиду». И снова она, воздушная и грациозная, танцевала на сцене, и снова Айвазовский стоял у артистического подъезда. По дорожке, усыпанной цветами, Тальони побежала к своей гондоле и позвала: «Синьор Айвазовский, что же вы, я жду!»

В тот вечер они долго катались по Венеции. Для него настали счастливые дни. Он жил в ее доме. С утра писал картины, прислушиваясь к музыке из комнат Мари, – она репетировала. В полдень за завтраком они встречались, а потом катались по каналам, пьянея от морского воздуха. Ему двадцать пять, ей тридцать восемь. Но для влюбленного не существовало возраста, он был покорен своей Сильфидой. Айвазовский мечтал, чтобы это счастье длилось вечно. И сам все испортил, не справился с нахлынувшими чувствами. Он попросил ее руки. Но тогда ей пришлось бы выбирать между семейной жизнью и искусством, а ссоры с Ованесом из-за ее занятости уже стали мучительными. Однажды она вошла к нему в мастерскую и протянула балетную туфельку со словами:

– Этот башмачок растоптал мою любовь. Возьмите его на память и возвращайтесь в Россию. Там ваша жизнь, а свою женщину вы еще встретите.

– Но оставьте мне хотя бы надежду!

– Нет, милый мальчик. Я никогда не полюблю вас...

Айвазовский был убит отказом. Страдал, плакал над подаренной Тальони розовой балетной туфелькой. Потом путешествовал по Европе, вернулся в Россию. И здесь признал, что великая балерина была права. Его жизнь – в России. На родине он обнаружил, что мода на него растет стремительно. После итальянского успеха петербургские аристократы скупали его картины за бешеные деньги. Прошло еще немного времени, и, как пророчила Тальони, Айвазовский встретил новую любовь.

И все же эти ландыши не давали ему покоя. Он начал поиски посыльного, ему казалось, что следующего Вербного воскресенья он не дожидается. Так и случилось.

Когда умер Айвазовский, Феодосия оделась в траур. Закрылись школы, магазины, рынок умолк. Сотни людей плакали навзрыд. Среди шедших за гробом был и старик в потертом сюртуке. Те, кто оказался рядом в толпе, слышали, как он сокрушался: «Некому теперь носить посылку от Трубецкого! Итальянка Мария Тальони, выдавшая дочь за князя, умирая, завещала каждый год на Вербное воскресенье посылать Ивану Константиновичу ландыши. А ежели тот поинтересуется от кого, сказать, что от той, которая много лет назад его отвергла, хотя всю жизнь любила только его одного. Шестнадцать корзин отнес я Ивану Константиновичу, а он так ни разу ни о чем не спросил. Может, знал, к чему эти ландыши?»

Часть I

Глава 1

Ленинград, 1975 год

Тоскливо скрипели за окном обледеневшие старые деревья, тревожные тени металась по стенам и потолку ветхого особняка. Исследованные при свете дня залы казались незнакомыми, таинственными, словно иллюстрации к готическому роману.

Тихий посвист поземки на каменных ступенях террасы долетал сквозь старые рассохшиеся рамы, неряшливо заткнутые ватой.

Они точно знали, что в этот ночной час ни души не было во всем здании, но отчего-то дрожали и крались так неуверенно, точно боялись спугнуть призрака.

– Куда теперь? – остановился посреди стылого вестибюля грузный высокий мужчина в ватнике и поношенном треухе. – Не тяни, а ну как до утра не управимся.

– Не бойся, должны все успеть, – ответил тихий голос. Владелец голоса был невысоким, худощавым, в поношенном нелепом пальто, сидевшем на сутулой фигуре как с чужого плеча. – Пойдем. Нам на второй этаж.

Осторожно поднялись по скрипучей дубовой лестнице, держась за широкие, отполированные за два века сотнями рук перила. Вошли в парадную анфиладу.

Одна, другая, третья зала. Украшенные лепниной, заброшенные и унылые, как кладбищенские склепы, они навевали ужас.

А может, это только казалось, потому что шли они по тайному делу, незваные и чужие в этом старом доме. Темная стремительная тень пронеслась за окном, сердца их забились испуганно, и они замерли, прислушиваясь.

– Ворона, – хрипло пояснил коренастый.

– Да, – торопливо согласился с товарищем худой, и оба пошли дальше.

Они добрались до углового кабинета. В окно сквозь высокие голые окна смотрела луна, пронизывала комнату насквозь, словно наполняла ее осязаемым на ощупь светом.

– Где? – нетерпеливо спросил коренастый, нервно облизываясь и воровато глядя по сторонам.

– Здесь, за камином. Видишь эту декоративную панель? – Худой подошел к отделанному мрамором камину и указал на пространство над каминной полкой. На панели выбит был барельеф – кораблекрушение. Редкий сюжет для украшения каминов. Худой провел пальцами по шероховатой холодной поверхности. Неужели это все? Осталось протянуть руку...

Коренастый подошел, встал рядом, лицо его исказилось диковатой усмешкой.

– Вот и добрались, – блаженно проговорил он. И строго добавил: – Делить будем сразу. Как договаривались – мне две трети, тебе треть.

Худой отступил на пару шагов. Лицо, бледное в свете луны, с тонкими правильными чертами, исказилось. Он нагнулся, поднял с пола кувалду и, с трудом замахнувшись, опустил ее на голову своего компаньона.

Коренастый рухнул. Его убийца, оттащив покойного за ногу от камина, снова поднял кувалду. Удар, другой – старинный особняк замер от испуга, а барельеф, украшавший дымоход, разлетелся вдребезги. Кувалда обрушилась на кирпичи. Спустя полчаса все было кончено. Темный зев дымохода зиял, как ворота преисподней. Худой, утерев рукавом пот, отбро-

сил кувалду, подтащил валявшийся в углу стул, встал на него и запустил руку в пробитую им амбразуру.

Он пыхтел, пытался залезть глубже. Вскарabкался на каминную доску, засунул в дыру голову, засветил спичку. Стон отчаяния слышался все громче. Худой нанес еще два удара по старой кирпичной кладке, увеличил пролом, снова потянулся к дымоходу, перерыл кирпичный мусор, насыпавшийся в зев камина, но ничего не нашел.

– Не может быть! Не может быть! – утирая тыльной стороной руки пот, взвыл худой. Потом отчаянно, по-бабьи разрыдался. – Все напрасно! – крикнул он в залитый бледной луной равнодушный сад. Красота зимней ночи не тронула его, только напомнила, что на улице мороз, а он вспотел и может простыть.

Он еще раз с ненавистью взглянул на лежащее у его ног тело, бросил кувалду и вышел из комнаты шаркающими шагами.

Глава 2

Майор Ленинградского угрозыска Юрий Терентьев стоял посреди плохо освещенной залы старинного особняка и слушал дрожащего от волнения заместителя директора НИИ, имеющего вместо названия почтовый ящик.

Сам директор в данный момент находился в командировке и о случившемся пока поставлен в известность не был.

– Вы понимаете, это крыло здания должно было идти на капитальный ремонт в ближайшее время, – объяснял замдиректора, стараясь не смотреть на лежавшее посреди зала тело. – Сотрудники уже переехали в другой корпус, здесь оставался всякий мусор, так что я не знаю, что могло понадобиться...

– Осмотр места происшествия начат в восемь часов тридцать три минуты, – слышался рядом безучастный голос криминалиста. – Осмотр проводится при слабом электрическом освещении. Трехэтажное здание дореволюционной постройки, где располагались бухгалтерия, отдел кадров и финансовый отдел, в настоящее время пустует в связи с подготовкой к ремонту. Северная его часть...

– Все понятно, – кивнул майор Терентьев, прерывая объяснения замдиректора. – Пока вы можете быть свободны, идите, работайте, я к вам еще зайду. Сотрудникам о происшествии пока сообщать не надо. – И он направился к криминалистам.

– В общем, так, – перекинул блокнотный лист лейтенант Олег Ребров. – Вахтер приехал на работу в семь, входная дверь была открыта. Коростылева на месте в дежурке не было. Вахтер переоделся и решил поискать сторожа, то есть Коростылева. Сперва заглянул в туалет, – бесцветным речитативом отчитывался Ребров, – мало ли какая ситуация, потом заволновался и пошел проверять помещения первого этажа. Обычно Коростылев входные двери держал закрытыми и ждал вахтера в вестибюле. Не обнаружив Коростылева, вахтер заволновался. Подумал, что воры могли залезть или начальство с проверкой нагрянуло. Он закрыл входную дверь на задвижку и отправился обследовать здание. Осмотрел рабочие помещения, все были заперты, потом сообразил заглянуть в старое крыло, где и нашел убитого. Клянется, что ничего не трогал, побежал сразу звонить начальству, потом нам. Да, кстати, убитый до пенсии в нашем ведомстве работал. Я в отделе кадров еще не был, но фактик небезынтересный.

– Хорошо. Степан Георгиевич, что у вас? – обернулся Терентьев к криминалисту, составлявшему протокол осмотра места происшествия.

– Картина примерно такая. Следов взлома мы не нашли, значит, скорее всего, Коростылев впустил убийцу на территорию самостоятельно. Кувалда тоже отсюда, хранилась вместе с дворницким инвентарем. Дворник опознал ее. Комната, где хранятся метлы и лопаты и лежала вот эта кувалда, запирается снаружи на обычную задвижку. Достать ее не проблема, если знать где. Коростылев знал. На кувалде обнаружены отпечатки пальцев, чьи – покажет экспертиза. Далее. Судя по всему, участников было двое – Коростылев и его гость. В коридоре удалось обнаружить нечеткие следы, ведущие из этого зала. След сорок первого размера, подошва изрядно стерлась, протектор фактически не просматривается. На полу в помещении в основном кирпичная крошка и осколки мрамора, следов обнаружить не удалось. Есть два нечетких следа на стуле. Вон он стоит, видимо, убийца встал на него, чтобы заглянуть в развороченный камин.

– Юрий Васильевич, фотограф и медэксперт работу закончили, тело можно забирать, – подошел к ним Алексей Выходцев, молодой широкоплечий лейтенант со строгим лицом.

– Давай, – кивнул Терентьев и снова повернулся к Реброву.

– Я так понимаю, Коростылев со своим гостем надеялись что-то найти в камине. Может, клад, кто его знает. Но, вероятно, повздорили еще до разгрома камин. В момент удара Коро-

стылев стоял у камина, это видно по следам крови на полу. Удар был нанесен сзади тупым тяжелым предметом, очевидно, этой самой кувалдой. Думаю, экспертиза сможет найти на ней следы крови. Коростылев упал, его оттащили в сторону, после чего убийца разгромил камин.

– Нашел он что-нибудь?

– Пока трудно сказать, с камином надо поработать. Разгромив камин, убийца покинул здание через центральную проходную. На тротуаре следов, понятно, нет, затоптали. Пока все.

– Окна проверили? Не мог он через них в институт проникнуть?

– Исключено. Окна заклеены на зиму, выходят во внутренний двор. Следов на снегу не обнаружено, да и деваться ему с этого двора некуда. Он замкнутый, ворота в другой двор на замке.

– Хорошо, заканчивайте. Я проверю, как дела у Сапрыкина, он сейчас с сослуживцами беседует.

Ему открыли не сразу, и он готов уже был сдаться, но тут звякнула цепочка, щелкнул замок, и дверь распахнулась.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Терентьев, пытаясь разглядеть фигуру в сумраке междверного пространства.

– Вам кого? – строго спросил женский голос, и майор понял, что застал дома соседку Коростылева Марию Осиповну.

– Вас, Мария Осиповна. Разрешите войти?

Женщина отступила на шаг, и он смог наконец ее разглядеть. Под шестьдесят, невысокая, плотная, с помятым, словно заспанным лицом и собранными в пучок седыми волосами.

– Извините, – поймав его взгляд, пояснила Мария Осиповна, – заснула после работы, не сразу звонок услышала. – Вынув из прически гребенку, она привычным жестом поправила выбившиеся со сна пряди. – Так вы по какому вопросу?

– Я из милиции, насчет вашего соседа Сергея Игнатьевича. Майор Терентьев Юрий Васильевич. – Он достал из внутреннего кармана удостоверение.

– Ясно. Что ж, проходите в комнату. – Поправила воротничок ситцевого пестрого халата и пошла вперед, показывая дорогу.

– Присаживайтесь, – отодвигая стул и усаживаясь у круглого, покрытого поверх скатерти клеенкой стола, пригласила хозяйка. – Что вас интересует? Он ведь не дома умер, на службе.

– Совершенно верно, – согласился капитан, оглядывая вытянутую чулком комнату. Жила Мария Осиповна тесновато. Сюда едва вместились стол, буфет, шкаф и кровать, да еще между шкафом и буфетом втиснулся короткий диванчик. Зато комната была очень светлой и порядок в ней царил идеальный.

– Так что же вы от меня хотите? – отвлекла от наблюдений хозяйка.

– Хотелось бы узнать о друзьях и знакомых вашего покойного соседа. Кто приходил к нему в гости, кто звонил? Может, вы знаете его коллег, дальних родственников, знакомых? Нас интересуют любые связи.

– Да какие у него связи? – пожала плечами Мария Осиповна. – Сын на флоте служит, раз в год в отпуск приезжает. Жены нет. Сам он уже на пенсии, работает ночным сторожем, точнее работал. А какие у него коллеги могут быть? Все домой – он на работу, все на работу – он домой. Жил тихо, вон во двор летом выйдет, с такими же пенсионерами на лавочке посидит, и все друзья, – кивнула в сторону окна Мария Осиповна. Лицо ее не выражало ни интереса, ни готовности помочь следствию, а только желание поскорее избавиться от гостя.

– Может, по телефону ему кто-то звонил? – с чуть большим нажимом спросил майор. – Меня интересуют последние несколько месяцев.

– Может, и звонил. Да я ведь за ним не слежу, меня и дома-то днем не бывает. Я, между прочим, работаю, занимаюсь просветительской деятельностью, читаю научно-популярные лекции в обществе «Знание».

– Ясно. Так, значит, вы у Сергея Игнатьевича гостей никогда не видели? И чтобы звонил ему кто-то, не слышали?

– Нет, – ответила она, но тут же как-то смешалась и виновато нахмурилась. – Хотя нет, видела одного, забыла просто. Давно это было, месяца полтора назад. Я как раз дома днем оказалась – зашла в перерыве между лекциями пообедать. Я иногда с выездными лекциями выступаю на предприятиях и, бывает, успеваю забежать. Правда, нечасто, – словно оправдываясь, торопливо добавила соседка, и ее некрасивое лицо потеплело и стало приятней.

– А когда это примерно было?

– Мне кажется, в начале ноября. Слякоть была, я еще ноги промочила и даже пожалела, что домой пошла.

Майор слушал пожилую гражданку с искренним интересом. Если свидетель решил все рассказать и помочь следствию, перебивать его и уж тем более торопить не стоит, можно пропустить какую-нибудь мелочь, из-за которой потом все дело посыплется. Так что Терентьев сидел смирно, слушал внимательно, впитывал.

– Я пришла, разделась. Вы, может, не заметили, у нас вешалка стоит сразу за кухней. Там ниша большая за занавеской и вешалки стоят, удобно очень, чтобы в комнату в пальто и в шубах не ходить. И как раз звонок в дверь прозвенел.

– А вы всегда черным ходом пользуетесь? Мне кажется, через кухню ходить не совсем удобно, – рискнул перебить хозяйку майор.

– Да, наверное, – пожалела она плечами. – Парадная лестница у нас есть, но так уж заведено, что ходим через кухню. Не знаю даже почему. Так при старых соседях еще повелось, так и идет. И гости ходят, и почта, и вообще.

– Ясно. И что же в тот день дальше было?

– Так вот, я как раз пальто повесила, и звонок раздался. Звонили не мне, но какая, думаю, разница, раз я рядом. Хотела открыть и возле дверей столкнулась с Сергеем Игнатьевичем. Он вроде как мне не обрадовался. Я тогда подумала, что задела его случайно. А сейчас сообразила: может, ему не хотелось мне гостя своего показывать?

– А почему вы так подумали? – наклонился к собеседнице майор.

– Он обычно спокойный такой, доброжелательный. Интеллигентным человеком его не назовешь, но и не грубиян. Если ситуация какая-то, знаете, как в коммунальной квартире бывает, все с шуточками-прибауточками, без ругани. А тут как-то грубо меня от двери отодвинул и сказал что-то вроде того, что я у него под ногами путаюсь. Я даже обиделась тогда.

– А гость что же? – с трудом сдерживал нетерпение майор.

– А вот он как раз оказался очень приятным. Сразу видно, что человек воспитанный. Увидел меня – поздоровался, поклонился даже. Шляпу приподнял. По-моему, даже представиться хотел, да Сергей Игнатьевич его быстро в комнату повел.

– А дальше?

– Я пошла обед разогревать, а они в комнате были. Тихо сидели, ни голосов громких, ни смеха – ничего. Даже чайник не ставили, я бы услышала, если бы Сергей Игнатьевич из комнаты выходил. Его комната дальше моей по коридору, а полы у нас скрипучие, такие песни поют, что и глухой услышит. Потом я на работу ушла, а они еще сидели.

– И все? – разочарованно спросил майор. – Вы даже имени его не знаете?

– Нет, я же говорю, он мне не представился. Хотя потом, вечером, я как раз вышла на кухню чайник поставить, и Сергей Игнатьевич пришел покурить. Он всегда на кухне курит, там форточка целый день открыта.

– Так.

– Вот пришел, сел на подоконник и глазом так подмигивает. Что, мол, Мария Осиповна, понравился мой гость? Я плечами пожала: что мне до его гостя? Я все еще на него тогда обижалась. А он как ни в чем не бывало говорит: знакомец это мой старый, по делу одному проходил, давно уже. Сто лет не виделись, а тут случайно на улице повстречал.

– А как зовут – не говорит? – взволнованно спросил майор.

– Нет.

– Может, о том давнем деле какие-то подробности вспоминал?

– Нет, – покачала головой Мария Осиповна. – Больше ничего о госте не добавил. Да и я не расположена была с ним беседовать, у меня на следующий день большая лекция была запланирована для учащихся Военно-морского училища, а выступать перед молодежью всегда очень ответственно. Вот я и хотела с вечера еще раз материалы просмотреть, примеры свежие добавить.

– Ясно, – вздохнул майор, не впечатленный трудовым энтузиазмом коростылевской соседки. – Как выглядел гость, описать сможете?

– Не знаю даже, – с сомнением протянула она. – Обыкновенный такой товарищ, в пальто и в шляпе. Как еще объяснить?

– А вот роста он был какого – высокий, низкий? Как я, к примеру? – поднялся с места Юрий Васильевич.

– Да, наверное, повыше, – придиричиво оглядела следователя Мария Осиповна. – И щуплый. Лицо у него было такое вытянутое, худое лицо.

– Вот видите, сколько вы всего вспомнили, – подбодрил ее майор. – А насколько он выше меня?

– Наверное, вот настолько, – неуверенно показала Мария Осиповна. – Но его-то я в шляпе видела.

– А какая шляпа была?

– Такая, знаете, с заломом посередине, и поля небольшие, ровные. Фетровая, серая.

– А пальто? – не отставал майор.

– Пальто драповое, в елочку, карманы врезные, мешковатое немного, но приличное, – с полным знанием дела описывала Мария Осиповна.

– Вот видите, как вы хорошо пальто разглядели. А говорите, не знаете, как выглядел.

– Так то пальто, а то человек. Его-то я не разглядела.

– Не может быть, – уверенно возразил майор. – Вот какой у него был нос – как у меня, картошкой? Или, может быть, вытянутый, уточкой?

– Да какая там уточка, – категорически отмела Мария Осиповна. – Массивный нос был. Крупный такой, но прямой. И лицо чисто выбрито, и губы тонкие. И вообще приятный мужчина, не знаю, что у него за дружба была с Сергеем Игнатьевичем. Уж больно разными людьми они смотрелись, – покачала головой соседка.

– Скажите, а опознать его в случае чего сможете? – с надеждой глянул на Марию Осиповну майор.

– Если в шляпе, а еще лучше в пальто, тогда может быть.

– Отлично. А вот уши у него какие, не заметили?

– Уши? Да вроде такие какие-то, – Мария Осиповна приложила ладони к голове. – Под шляпой-то не очень разглядишь. А глаза светлые, это я точно помню. Он, когда здоровался, мне в глаза посмотрел. И глубоко посаженные.

– И это все? – недовольно приподнял седые кустистые брови подполковник. – Негусто. А что эксперты? Нашел убийца что-то в камине или нет?

– Трудно сказать, скорее всего, нет. Следы тоже ничего пока не дали. Отпечатки пальцев на кувалде принадлежат покойному Коростылеву. Да и что удивляться, зима на улице,

все в рукавицах ходят. Рукоятка у кувалды старая, гладкая, полированная. Никаких ворсинок, ниточек, ничего, кроме крови и биологического материала покойного, обнаружить не удалось. Смерть наступила между двенадцатью и половиной второго ночи. Свидетелей, которые видели бы входящего или выходящего с территории института человека, нет. Словом, этот неизвестный гость – единственная на сегодняшний день зацепка.

– Плохо. Очень плохо, – опустил на стол растопыренную пятерню подполковник. – Результат почти нулевой.

– Да я-то при чем? – буркнул Терентьев. – Я, что ли, виноват, что Коростылев ни с кем не общался? Еще хорошо, что соседка на обед домой зашла, а то бы и этого не было. Второй сосед, Степанцов Дмитрий Романович, и того меньше о Коростылеве знает. Ему всего двадцать один, днем работает, вечером учится, еще по танцулькам бегать успевает. Он так редко дома появляется, что я даже сомневаюсь, узнает ли он своих соседей, если на улице встретит. А третья соседка Коростылева сейчас и вовсе у дочери проживает. У той второй ребенок родился, муж на заработки завербовался на Север, так она с внуками помогает. Приезжает только раз в месяц за квартиру платить.

– А соседи по подъезду? Старухи во дворе? Дворник, наконец? – сердился Николай Иванович, и очки у него на носу подпрыгивали от возмущения.

– Да что я, ребенок, что ли? Всех опросили, ребята с ног сбились.

– И что нам теперь делать, взрослый ты мой?

– Не знаю. Искать этого типа в шляпе, – отвел глаза в сторону майор просто от обиды.

– Это-то понятно. Только сколько лет у тебя на эти поиски уйдет? Ты посчитал, сколько Коростылев в уголовном розыске проработал? По какому делу этот твой в шляпе проходил? Кем – свидетелем, подозреваемым? Когда? У нас даже имени его нет.

Оба они тяжело вздохнули.

– Ладно, нос не вешай, – первым ожил подполковник. – Будем думать. Как показывает жизнь, всегда что-нибудь да выплывет, пустячок какой-нибудь. Сама судьба нам подыгрывает. Глядишь, и дело с мертвой точки стронется. А пока с сыном его свяжись, пусть срочно вылетает. Спроси заодно, может, отец ему писал, рассказывал о чем-то этаким. Короче, не спи, под лежащий камень вода не течет.

– Как там наш «барин»? – весело подмигивая майору, поинтересовался ясноглазый Алеша Выходцев.

Алексей был еще молод, только получил лейтенанта и на ковер к начальству, как прочие члены следственной группы, зван не был.

– Барин? Ничего, – с наигранным добродушием прогудел Терентьев. – Работайте, говорит. Ищите, говорит, неизвестного гостя, перекопайте все дела, которые покойничек Коростылев вел за годы работы в уголовном розыске. И найдете.

– Да это на сто лет работы! – возмутился молодой и наивный лейтенант. – Мы так до самой пенсии провозимся. Он что, ничего лучше придумать не мог?

– Не барское это дело – придумывать, – одернул его майор. – А ты, раз такой умный, предложи, как этого типа искать. А если мыслей умных нет, топай в архив и выполняй распоряжение начальства.

Глава 3

До чего не хочется сидеть в архиве.

Алеша Выходцев тоскливо терзал нежные щеки модной электрической бритвой, подарком матери ко дню рождения.

Чистый лоб прорезали длинные морщины. Ведь должен же быть выход? Мерное жужжание бритвы навевало уныние. Сидячую работу Алеша не выносил, лучше уж по декабрьскому хрусткому морозцу по городу мотаться, свидетелей искать, на остановке мерзнуть, чем сидеть в душном пыльном архиве. А что? Может, махнуть рукой на распоряжение начальства и потихоньку двинуть на поиски свидетелей? Мало ли, упустил что-то Терентьев, тоже ведь человек. Сперва к Коростылеву домой наведаться, а потом на службу. А майор пусть думает, что он в архиве сидит. Хотя туда тоже заскочить надо, скажем, после обеда. А то вдруг начальство заставит отчитаться о проделанной работе.

– Алеша, иди есть, яичница стынет! Отец уже за столом! – позвала с кухни мама, и Алеша тут же засуетился. Завтрак – дело важное, его пропускать никак нельзя. И он завозил бритвой по щекам с удвоенной энергией.

– Андрей Степанович, вы ведь его лучше всех знали, вспоминайте! Может, кто ему звонил, может, он о ком говорил или ждал его кто после работы? – тормозил завхоза НИИ лейтенант Выходцев.

Начать поиски он решил с института. Шансов застать с утра дома соседей Коростылева все равно не было.

– Да что вы ко мне прицепились, – нервничал крупный, похожий на глыбу завхоз. – Не знаю я, с кем он встречался. И с кем по телефону говорил, тоже не знаю. Я с ним почти и знаком не был. Так, выпили вместе чаю раза три-четыре. Я только на работу приходил – он с нее уходил, и всего делов. Разговаривали мы две минуты. А все ходят и ходят, трясут и трясут. Что я ему, друг-приятель? Не знаю я ничего! И телефон у меня только местный.

– А городской где? – оживился Алеша.

– А городской у него, на посту охраны, – отрезал завхоз и грозно сложил руки на могучей груди.

Завкадрами, второго сторожа и начальника охраны он уже пытал, куда податься еще – Алеша представления не имел. Пришлось топтать в архив.

И на следующий день тоже, и сидеть там как проклятому, разбираясь в показаниях, в мотивах преступников, в личностях свидетелей, выписывая тех, кто хоть как-то спустя годы мог подойти под описание гостя Коростылева, данное соседкой.

Они с Терентьевым решили начать с дел, которые перед самой пенсией вел покойный Коростылев.

Сложность заключалась в том, что фотографий свидетелей и их внешнего описания в делах не имелось, и приходилось тратить уйму времени на установление личности, внешнего вида и местонахождения каждого, а если внешность оказывалась подходящей, еще и на алиби. Впрочем, до алиби дело пока не дошло.

– Что, Алексей, неужели вообще ничего? – недоверчиво косился Терентьев.

– Говорю же. Юрий Васильевич, вы что, думаете, это удовольствие – в старых делах рыться? Хорошо, если кто-то из бывших коллег Коростылева помнит, кто по делу проходил, и может сразу подсказать, на кого времени тратить не стоит. А если нет? Я вон одного Кривошеева Петра Олеговича три дня искал. Он за прошедшие восемь лет успел три раза жениться, два раза развестись и пять квартир сменить. Поди такого найди. И что в итоге? Приземистый широкоплечий брюнет, борода жиденькая, рост сто шестьдесят пять сантиметров. И что в

таким женщины находят? – пожал плечами Алеша. – Я его жену последнюю видел – настоящая красавица.

– Женская душа – потемки. – Майор задумчиво выбивал пальцами на столешнице какой-то марш. – Я вот думаю, может, мы упустили что-то существенное, со свидетелями недоработали? Сколько ты дел разобрал?

– Семь. И пока все мимо.

– Копай дальше, а я подумаю.

О чем целыми днями думал майор, пока он, Алеша, вкалывал, лейтенанту Выходцеву было не известно. Но дело с мертвой точки не двигалось.

Неужели нащупали? На фотографию худощавого блондина в строгом костюме и при галстуке Алеша смотрел почти с умилением.

Сурмилин Виктор Эммануилович, врач-окулист. Был осужден на пять лет за разбойное нападение на собственную тещу. Ввиду того, что ранее никогда не привлекался, представил положительную характеристику с места работы, а также, поскольку теща не слишком пострадала, получил немного и давно гуляет на свободе. Взъерошив на радостях светлые волосы, Алеша с трудом удержался, чтобы не отбить чечетку.

Сурмилин, как это ни удивительно, проживал по прежнему адресу, тому, что был указан в деле. Найти его труда не составило, и Алексей двинулся напрямик в гости к подозреваемому, без всяких звонков и предупреждений, чтобы не спугнуть.

– Добрый день, вам кого? – Темноволосая дама лет сорока с пышным бюстом, открывшая ему дверь, с интересом рассматривала симпатичного молодого человека.

– Мне Виктора Эммануиловича.

Алеша так и не решил, пока шел, стоит ли сразу показать удостоверение или нет. На работу он ходил всегда в штатском, о роде его занятий так на глазок и не догадаешься.

– А вы по какому делу? – Глаза хозяйки кокетливо прищурились, она чуть изогнулась, и в разрезе халатика показалась округлая, вполне еще стройная коленка.

Вести себя в подобных ситуациях Леша не умел, а потому, слегка покраснев и откашлявшись, представился:

– Лейтенант Выходцев, уголовный розыск.

Лицо дамы сразу потускнело, губы презрительно скривились, а халатик плотно запахнулся.

– И что вам от мужа надо? – спросила она без намека на любезность.

– Пока просто побеседовать.

– А если он не желает? – поинтересовалась мадам Сурмилина, по-прежнему перекрывая доступ в квартиру, из которой не доносилось ни звука. Алексей вообще не был уверен, дома ли сам Виктор Эммануилович.

– Думаю, для него же будет лучше побеседовать со мной, а не явиться на допрос по повестке. – Он попытался нагнать жути, строго хмуря брови.

Женщина еще пару минут сверлила его взглядом, потом нехотя посторонилась, пропуская незваного гостя в квартиру.

– В комнату проходите.

Алексей громко выдохнул. Разочарованию его не было предела.

Перед ним стоял очень тощий, очень длинный, какой-то несуразно слепленный человек и близоруко таращился на гостя сквозь толстые линзы массивных немодных очков.

– Лиличка, это кто? – беспомощно повернулся он к жене.

– Это из милиции. Да сядь ты, нечего с ними церемонии разводить, – распорядилась жена Сурмилина, отчего-то говоря о лейтенанте во множественном числе. – Что вам нужно? Вот мой муж, выкладывайте. – Она встала за креслом, в которое уселся ее супруг, и воинственно

сложила на груди руки, словно верный страж. – Опять мамаша заявление накатала, никак не уgomонится, старая кошелка?

– Это вы о ком? – Алеша старался не выдавать растерянности и попутно размышлял, стоит ли ему садиться, не дожидаясь приглашения.

– О ком? О матери моей, Люблянкой Ираиде Евгеньевне. Вы же из-за нее пожаловали? Уж сколько лет прошло, а все уgomониться не может! Мало того, что родного зятя в тюрьму законопатили, – она нервно погладила мужа по макушке, – так и теперь покоя не дает! И ведь из-за чего? Из-за моего – моего, слышите – наследства. Заграбастала и не отдает! А Витя к ней и на пушечный выстрел не подходил. Что он, сумасшедший? – строчила Сурмилина.

Ее супруг, ссутулившись, сидел в кресле с самым несчастным видом, только что не плакал.

– Да успокойтесь вы, вовсе я не из-за вашей матери пришел, – вклинился наконец Алеша, когда она умолкла на секунду, чтобы набрать воздуха.

– То есть как не из-за матери? – недоверчиво вытаращилась хозяйка, а ее пришибленный супруг поднял вихрастую, похожую на подвядший кабачок голову и с надеждой взглянул на Алексея.

– Меня интересует, где был ваш супруг в ночь с шестого на седьмое декабря. – Алеша решил все-таки опуститься на диван.

– Не помню, что это были за дни, но мой муж всегда ночует дома, так что и с шестого на седьмое дома был. А в чем, собственно, дело?

– Виктор Эммануилович, вы знакомы с Сергеем Игнатьевичем Коростылевым? – проигнорировав хозяйку, обратился Алексей непосредственно к Сурмилину.

– Коростылевым? – вытаращился тот, хлопая ресницами, и его вытянутое лицо удлинилось еще больше.

– А кто это? И при чем здесь Витя? – снова встряла боевая супруга.

– Так как же, Виктор Эммануилович? – Алеша пытался игнорировать ее по возможности.

– Да нет вроде, – промямлил тот. – А кто это?

– Это следователь, который вел ваше дело о разбойном нападении. – Алексей внимательно наблюдал за реакцией Сурмилина.

– Вот, а говорите мамаша ни при чем! Чего она еще придумала, к чему здесь этот следователь? Я уже сто раз объясняла: Витя ее не бил, это я случайно ей фингал тогда поставила, врет она все. И следователь этот с ней заодно! Мало им, что Витю на пять лет упекли? Теперь еще какую-то гадость подстраивают? – Щеки Сурмилиной покраснелись и стали похожи на два помидора, нос задрался, а вид был таким, словно она собиралась поставить фингал и Алексею.

Глядя под эти крики на перепуганного Сурмилину, он понял одно: кто бы ни убил Коростылева, это точно был не он. Уж скорее на такой шаг была способна его боевая супруга, хотя и она, кажется, здесь абсолютно ни при чем. Ничего больше он не стал объяснять, молча поднялся с дивана и отправился восвояси.

– Эй, ты куда пошел-то? А со следователем что? – бросилась ему вдогонку Сурмилина.

– Ничего. Ошибка вышла. – И он поспешил вниз по ступенькам.

– Не хандри, Алексей, – похлопал его по плечу майор Терентьев, когда он на следующее утро явился к начальству с докладом. – Ты же не рассчитывал, что мы так легко и быстро дело раскроем? Не вешай нос. Завтра суббота, отдохнешь, выспишься, а с понедельника с новыми силами за работу. А сегодня сгоняй-ка в экспертизу, поторопи Пронина. Мне по убийству на улице Ломоносова ответ графолога во как нужен.

Только выспаться Алеше не удалось. Так часто бывает: когда надо рано вставать – никак не проснуться, а появится возможность отоспаться за неделю – открываешь глаза ни свет ни заря. Теперь он, подперев голову рукой, лежал и слушал сонную тишину квартиры. За окном

было темно и студено, узоры по краям рамы отсвечивали серебром в свете уличных фонарей. Лежать было нестерпимо тоскливо, но будить родителей не хотелось – в их смежной двушке без шума даже на кухню было не выйти, чтобы чаю попить. Повертевшись с боку на бок, Алексей от скуки стал размышлять о деле Коростылева, хотя еще вчера дал себе зарок на выходные выкинуть все это из головы. Но делать было нечего, и мысли сами собой потекли в этом направлении.

Вот как удивительно несправедливо устроена жизнь. Жил себе человек, служил, честно тянул лямку. Большой карьеры не сделал, но на пенсию вышел с почетом. Сына вырастил – тот уехал, а он остался один, никому не нужный, всеми забытый. Даже словом перемолвиться не с кем, если не считать соседей по коммуналке. Хотя что их считать, чужие люди. И вот живет этот человек совсем один. Встает утром, ставит чайник, умывается, завтракает. Потом наводит порядок в комнате. А потом? Читает газету? Идет в магазин? Может, телевизор смотрит? И так каждый день. Ужасно. От такой жизни захиреть можно. Нет, можно, конечно, на работу устроиться, например ночным сторожем, но вряд ли от такой работы особенное веселье бывает. Алеша представил себя на месте покойного Коростылева и физически ощутил тоскливое однообразие его жизни. Жуть, через месяц волком завоешь. И ведь хоть бы друзья у него были или приятели какие, хоть бы в кружок при жилконторе записался. Так ведь нет. Чем же он занимался целыми днями, этот несчастный старик? Должно же было у него быть хоть какое-то дело? Дежурил он сутки через трое, не переломишься, да еще и спал наверняка на службе, если бессонницы у него не было.

Алеша даже сел на кровати, чтобы мысли текли пободрее. А ведь и правда, должен же был Коростылев чем-то себя занять. Человек проработал всю жизнь с людьми, деятельный, общительный, судя по откликам бывших коллег, компанейский, никогда не отказывался посидеть в праздник, выпить, за жизнь поговорить – и вдруг замкнулся, похоронил себя в коммуналном раю.

Что-то здесь не так. Ведь соседи, как сказал Терентьев, целыми днями на работе пропадали, а Коростылев мог в их отсутствие гостей к себе водить и даже роман завести. А что? Жил он бобылем, сын далеко, у него своя жизнь, а Коростылев был еще вполне ничего, крепкий старикан, мог какую-нибудь старушку симпатичную подцепить.

Собственная идея Алеше до того понравилась, что он, забыв о намерении не будить родителей, окончательно встал с кровати и поспешил на кухню ставить чайник, а потом умываться. Надо было торопиться, чтобы застать всех соседей Коростылева по квартире и по подъезду, а заодно во дворе пообщаться с жильцами. Покойный жил в старом доме, двор маленький, из всех окошек видно, что в нем делается. Посреди двора горка, качели, песочница, мамыши с малышкой гуляют – может, что заметили. И он, бодро громыхая посудой, принялся готовить себе завтрак.

– Ой, да что вы, он с нами редко гулял. – Старушка в меховой шапке вытирала нос верткому карапузу и одновременно делилась с Алешей. – Летом, когда погода хорошая, у нас все, почитай, пенсионеры на лавочке во дворе собираются. Здесь хорошо, тень. Мужчины в домино играют, а он подойдет, поздоровается, минуты три поговорит и пойдет куда-то. Энергичный был мужчина. И одет всегда аккуратно, не скажешь, что одинокий.

– А куда же он все ходил? Может, рассказывал кому-то?

– Это вы у Михаила Степановича спросите из третьего подъезда или у Павла Петровича из шестого, он с ними иногда в шашки летом играл. Мне-то в чужие дела некогда нос совать, у меня двое внуков.

К бабуле как раз неслась с ревом девчушка лет пяти.

– Баба, писать! Писать хочу!

– Ох ты господи! Да куда же на морозе-то? Марья Гавриловна, посмотрите за Дениской, я с Леночкой домой пописать сбегаю! – И старушка, забыв о приставучем милиционере, поспешила в подъезд.

А Алексей, страшно довольный собой, отправился искать Михаила Степановича, радуясь собственному везению.

– Ну я Михаил Степанович, – пробасил крупный одышливый мужчина с небритыми седыми щеками. – Чего надо?

Неприятный тип. И любитель выпить, это сразу понятно.

– Здравствуйте, я из уголовного розыска, лейтенант Выходцев Алексей Петрович, – представился по всей форме и даже корочку показал. – Разрешите пройти? – Вопрос звучал скорее как приказание.

Михаил Степанович подчинился, хотя и без особой радости.

– Так чего вам от меня надо? – все так же нелюбезно поинтересовался он, входя в свою комнату и закрывая за гостем дверь.

– Меня интересует все о Коростылеве Сергее Игнатьевиче, вашем приятеле покойном, – решительно уселся на старый диван Алеша.

– Эк чего захотел, – усмехнулся хозяин, смахивая со стула какие-то женские вещи и садясь напротив гостя.

Жена Михаила Степановича, маленькая суетливая женщина, хлопотала на кухне.

– Все о нем только господь бог знает. А от меня-то чего конкретно надо?

Неприятный тип. Но выбирать собеседников следователю не приходится.

– Расскажите, с кем дружил Сергей Игнатьевич, с кем приятельствовал, кто к нему в гости приходил. Может, он вам о знакомых своих когда-нибудь рассказывал? Может, женщина у него была?

– Почем я знаю, – пожал плечами хозяин. – Серега был мужик не простой, вроде с три короба наговорит, а через сито просей – одна вода будет. Да и потом, кто я ему был, чтобы со мной откровенничать? Так, летом пару раз козла забили, в шашки иногда сыграем, если у него время есть. Не по адресу вы, товарищ лейтенант.

– Неужели вы ни разу не видели, чтобы он кого-то провожал или встречал? А может, упоминал в разговоре кого-то? – не сдавался Алексей.

– Да никого он не упоминал, и вообще у него дружки в другом дворе жили, – отмахнулся Михаил Степанович.

– В другом?

– Ага, на 6-й Красноармейской. Вот там и поспрашивайте.

– А дом, дом какой? – Алеша заволновался.

– Да вроде в двадцатом, я как-то раз с ним у ворот столкнулся. А может, и другой, не помню уже. Говорил, дружки у него там живут, частенько туда ходил. Наши сперва обижались, а потом привыкли. Дружья есть дружья, дело святое.

Скрипнула в дверь, и в комнату заглянула хозяйка. Окинула каким-то суетливым взглядом комнату и спросила тихонько, по-мышинному:

– Миша, а супчик подавать уже? Готово все.

– Неси. Мы уж закончили, – зашевелился хозяин, поворачиваясь к столу и с удовольствием расправляя скатерть. – Обед, уж извините. – И кивком указал на дверь.

Алексей не обиделся. Он и так уже узнал немало. Майор, скажем, столь ценных сведений раздобыть не смог.

Торопиться на 6-ю Красноармейскую он не стал, а решил сперва побеседовать с Павлом Петровичем из шестого подъезда. Время утреннего моциона вышло, и найти кого-либо во дворе дома двадцать по 6-й Красноармейской он все равно сейчас не рассчитывал. Придется ждать до завтра, а значит, прощай выходные.

Ничего, потом отгуляет. Алексей кубарем скатился по узкой черной лестнице. Отчего-то все жители этого красивого старого дома предпочитали именно ее, с крутыми ступенями, бурой темной краской, запахами борщей и впитавшегося в стены дыма.

Павел Петрович оказался полной противоположностью своему приятелю. Маленький, опрятный, во фланелевой рубашке и вязаной жилетке, он сразу располагал к себе. Узнав, по какому делу прибыл Алексей, сразу предложил чаю.

– Не стесняйтесь. Весь день ведь на ногах? Молодость – дело хорошее, да мороз на улице. Клава, доставай чашки. У нас и чайник горячий. Сахар берите. И варенье. Вот так, – кивал он, глядя на гостя. – Вот.

Алексей с благодарностью отхлебывал горячий чай и чувствовал, как проникается симпатией к хозяевам. Дело шло к обеду, организм требовал свое, так что угощение пришлось кстати. Он до того обнаглел, что слопал два куса булки с вареньем. Начальство такое поведение вряд ли бы одобрило. Ну да глядишь, оно об этом и не знает.

– Вот, – в очередной раз кивнул Павел Петрович, когда Алеша счастливо отставил чашку. – Так зачем я вам понадобился?

– Я по поводу вашего знакомого, Сергея Игнатьевича Коростылева.

– А что рассказать – и не соображу, – потер рукой подбородок Павел Петрович.

– Меня интересуют его друзья, приятели, знакомые, родственники. Может, вы кого знаете, видели? – в который уже раз повторил заученную фразу Алексей.

– Друзья-приятели? Нет, не знаю. Он не с нашего, так сказать, двора. Не из нашей компании. Ты, Клава, знаешь? – обернулся он к жене, сидевший тут же за столом с вязанием.

– А ты что, не помнишь? Варвара Тимофеевна из шестнадцатой квартиры говорила, что он все время к каким-то знакомым на 6-ю Красноармейскую ходит.

– Нет, – покачал головой Павел Петрович.

– У него там то ли сослуживец бывший живет, то ли друг детства. Варваре Тимофеевне, когда она его там первый раз встретила, он и объяснил. Она там рядом в приеме стеклотары работает. Так вот он туда чуть не каждый день ходил. Не днем, а ближе к вечеру, как народу с работы домой идти. Я сама этого не видела, но Варвара Тимофеевна говорила.

– А вы не знаете, как его знакомого зовут, того, к кому он в гости ходил? – Алексей уже поздравлял себя с победой.

– А вы лучше у Варвары Тимофеевны спросите, она сейчас дома. Паша, проводи товарища лейтенанта. Это на четвертом этаже, как раз над нами.

– Говорил, – кивнула краснощекая Варвара Тимофеевна. – Это года два назад было, летом. Жарища была, вот я и выставила табурет на улицу, чтобы воздухом подышать. Смотрю – он идет. Разговорились от нечего делать. Куда это вы, спрашиваю. К приятелю, говорит, он у меня вон в том дворе живет. В 23-м доме, значит. Вот туда и ходил. Правда, в последнее время что-то я его не замечала. Так я за ним и не слежу. Мне работы хватает, да и зима не лето – окна заморожены, топят у нас не ахти, весь день в фуфайке и в валенках сидишь, а то не дай бог ревматизм наживешь, как вон у Петра Ивановича за стенкой. Как он, бедняга, мучается, особенно в сырость. А тоже в молодости в подвале в сапожной мастерской сидел, себя не берег. Вот в старости и хворает.

– Ясно. А к кому же Коростылев ходил в 23-й дом? Может, по имени знакомого своего называл или по фамилии? Или говорил, откуда знакомы? А может, вообще к женщине ходил? – не хотел отказываться от своей версии лейтенант.

– А вот это уж чего не знаю, того не знаю, – развела руки Варвара Тимофеевна. – Мне говорил, что к приятелю какому-то, а что за приятель – я не спросила. Да мне и незачем.

Значит, придется снова опрашивать жителей. На улице уже стемнело, мороз стал мягче, и в свете неярких фонарей кружились крупные пушистые хлопья. Алексей стоял посреди двора, смотрел на темно-синий квадрат неба над головой, на лицо мягко опускались холодные сне-

жинки, и ему казалось, что он на дне огромного колодца. Уютно светились окошки, горку и качели запорошило снегом, во дворе было тихо, словно жизнь замерла по волшебству, и только он один избежал злых чар.

Хлопнула дверь подъезда, еще. Послышался смех, возня, на горку посыпалась ребятня – уже не карапузы с бабушками, а народ постарше и похулиганистее. Они толкались, потом залезли дружно на горку и съехали все вместе. Сказка закончилась. Алеша вытер мокрое от снега лицо, завистливо улыбнулся и, оскальзываясь и взмахивая руками для равновесия, поспешил к метро. Кажется, отец говорил, что по телику хоккей вечером.

Глава 4

– Где ты ходишь? – свистящим шепотом набросилась на Алешу мать, едва он переступил порог дома. – Утром убежал – ничего не сказал, за весь день ни разу не позвонил. Ноги промочил? Причешься хотя бы! Рубашку хоть свежую с утра надел?

– Мам, а почему шепотом? – Он закинул на вешалку ушанку и готов был двинуться в сторону кухни, откуда доносились вполне привлекательные ароматы.

– Что значит почему? Ты хочешь, чтобы я тебя при гостях отчитывала?

– При гостях? – В коленях появилась неприятная слабость.

– Забыл? – укоризненно глядя на любимое чадо, вздохнула Зинаида Андреевна. – Я тебе сто раз на неделе говорила, что приедут тетя Рая, Анна Семеновна с мужем и их племянница. Зовут Наташей, учится в педагогическом, очень славная девушка. А ты целый день пропадаешь неизвестно где!

– Я по работе. У нас убийство, полный завал, весь отдел работает без выходных, – мгновенно сориентировался Алексей, поздравив себя с удачно проведенным днем.

Последние полгода мама особенно настойчиво пыталась его женить. Какая-то сослуживица наболтала ей, что с его профессией трудно устроить личную жизнь, у нее вон племянник-милиционер в сорок лет холостяк, и если парня не женить до двадцати пяти, потом уже поздно будет. Алеша как раз подходил к роковой отметке – в марте должно было стукнуть двадцать четыре. Да и большинство его приятелей уже благополучно женились, а некоторые успели даже обзавестись потомством. Федька Синицын, тот вообще двойню родил – всем бывшим классом ходили поздравлять. Подарили коляску, большая такая, даже в квартиру не влезла. Пришлось на лестнице оставить.

– Какое еще убийство? – заволновалась мама, тут же забыв о невесте.

– Да не волнуйся ты. Сторожа в секретном НИИ ночью убили. Какой-то новичок действовал – хотел оглушить и силы не рассчитал. Теперь ищем. Нас много, а он один, скоро поймаем. Ну, успокоилась? Пойду-ка я руки мыть, есть жуть как хочется, – лязгнув зубами, протиснулся он в ванную.

– Ох ты, бедненький мой. Конечно, иди и сразу за стол, я тебе пока салат положу. И пирог с капустой! Пирог Наташа пекла! – проговорила она уже в дверях. – Такая умница!

Когда Алексей вошел в комнату, сразу понял, что гости сидят уже не меньше двух часов, вполне освоились, не один раз выпили и закусили. Отец с Иваном Николаевичем о чем-то увлеченно спорили, тетя Рая с Анной Семеновной обсуждали, как лучше растить помидорную рассаду, мама суетилась вокруг стола. В уголке дивана скучала «невеста».

Девушка, как ни странно, оказалась хорошенькая. Светловолосая, с большими серыми глазами, чуть вздернутым носиком и пухлой верхней губой. На лице ее читалось тоскливое «что я здесь делаю», так что Алеша ей искренне посочувствовал.

– Алешка! Наконец-то, – радостно загудели отец с Иваном Николаевичем и потянулись к стопкам. – Давай садись, выпей с мороза. Замерз небось.

– Алешенька! – потянулась обниматься тетя Рая. – Холодный какой – щеки ледяные! Зина, положи ему сразу горячее, что ему салат? Целый день на ногах, бедный.

– Алешенька, познакомься, племянница моя Наташа, – отодвигая в сторону тетю Раю, спешила представить главную гостью Анна Семеновна. – Умница, красавица, на третьем курсе в педагогическом учится, – шептала она ему на ухо громким шепотом, который при желании можно было расслышать и у соседей за стенкой.

Наташа покраснела и, глядя куда-то под стол, протянула руку. Застенчивость он тоже записал ей в плюс. Мамины невесты, как правило, такой щепетильностью не отличались. Да и, если честно, те были не такими хорошенькими и какими-то перезрелыми. А еще кокетничали

так, что становилось ясно – девушка мечтает немедленно бежать в ЗАГС. Это и более опытного мужчину могло бы отпугнуть, что уж говорить об Алексее.

В Наташе никакого стремления в ЗАГС не было, зато невооруженным глазом было заметно разочарование. К счастью, пока еще не им, а лишь впустую потраченным вечером. Алешу усадили рядом, и он, уплетая салат, искоса наблюдал за гостьей, чье невнимание к его неотразимой персоне вскоре начало заметно задевать.

Наташа сидела, сложив руки на коленях, изредка тихо вздыхала и то и дело бросала взгляд на часы. Модное синее платье с белым воротником и манжетами ужасно шло к ее серым глазам, делая их глубже и значительнее, а из-под мини-юбки торчали стройные округлые колени.

Алексей откусил кусок пирога.

– Вкуснотища. У мамы такие не получаются.

Наташа искоса взглянула на него, но ничего не ответила.

Тогда Алексей предпринял новый заход, даже вилку с ножом отложил. В конце концов, он парень видный, спортсмен, и девчонки всегда на него заглядываются. В институте у него даже был роман с Ирочкой Ефимовой, первой красавицей курса, мама ужасно боялась, что они поженятся и он забросит учебу. Ира казалась ей девушкой несерьезной. Сейчас бы она, наверное, передумала, потому что у Ирки муж, двое детей, и при этом она умудряется над кандидатской работать.

Алексей прокашлялся и перешел в открытое наступление.

– Наташа, где вы научились так вкусно готовить? Просто пальчики оближешь!

Еще в юности он прочел в какой-то умной книжке, что ни одна женщина не устоит перед лестью и что лести не бывает много. Опробовав этот принцип на однокурсницах и убедившись в его беспроявительном действии, Алексей взял прием на вооружение и с тех пор не знал поражения у женского пола. Возраст объекта, социальный статус и внешние данные не имели ровным счетом никакого значения. И сейчас, желая привлечь внимание гостьи, он прибег к проверенному методу.

Вопреки ожиданиям, девица не зарделась от удовольствия и не одарила его благосклонным взглядом. Напротив, она скользнула глазами по присутствующим и призналась с легкой усмешкой:

– Пирог пекла не я, а мама. Я вообще готовить не умею, у меня даже яичница не получается. А про пирог выдумала тетя Аня.

У Алексея рот открылся. Такого коварства от «невесты» он не ожидал. Ах вот вы какие, мамини протеже! А он-то до сих пор принимал за чистую монету рассказы о кулинарных, вязальных и прочих способностях претенденток на его сердце. Уж они и шьют, и вяжут, и крестиком вышивают, и цыпленка табака каждый день на ужин готовят. Он и удивлялся, как только маме удастся находить таких, если все знакомые девушки как одна даже пуговицу пришить были не в состоянии. Но эти мысли как-то вскользь пронеслись в Алешиной голове. Что же, если Наташа так откровенна с ним, должно ли это означать, что он категорически ей не понравился? Это соображение неожиданно задело его за живое.

Проглотив застрявший в гортани пирог, он собрался с мыслями и продолжил.

– Так, значит, вы учитесь в педагогическом? И какой же предмет вы хотите преподавать? Русский и литературу, математику, а может, географию? – Разговаривая с Наташей, Алексей снял теплый джемпер, в котором ездил сегодня по делам, и остался в рубашке, которая – так он надеялся – подчеркнет его спортивный торс. А для пушшего эффекта он расстегнул манжеты и закатал рукава. – На каком вы факультете?

– Вообще-то на филологии, французский язык. И я вовсе не хочу быть учителем, просто провалилась в университет, вот и пришлось в Герцена идти. – Девушка наконец-то повернулась лицом к Алексею. – А вы всегда хотели в милиции работать?

– Вообще-то не в милиции, а в уголовном розыске, – не без обиды поправил он. Может, она думала, что он работает простым участковым? – Да, всегда. С детства увлекался Шерлоком Холмсом и комиссаром Мегрэ.

– И как успехи, много преступлений раскрыли? – Наташа спросила вполне серьезно, но Алексею в ее вопросе послышалась обидная ирония. Может, показалось? Девица была какой-то непонятной, совершенно неправильной. Хотя и симпатичной. Было в ее лице что-то такое... Перчинка какая-то, что ли?

Взрослые уже доедали горячее, на них внимания почти не обращали. Папа с Иваном Николаевичем порядком подогрелись и жарко обсуждали футбольные баталии, мама и Анна Семеновна постоянно их одергивали, подкладывали закуску, успокаивали и пытались вовлечь в общий разговор. Тетя Рая призывала всех дружно спеть и сетовала, что нет теперь таких веселых застолий, как раньше, – с баяном, гитарой, с песнями и танцами.

– Наташа, хотите, пойдете в мою комнату музыку послушаем? У меня есть неплохие пластинки.

Она с сомнением взглянула на часы, на Анну Семеновну, кивнула и поднялась из-за стола.

Приглашая девушку в свою комнату, Алексей очень рассчитывал произвести впечатление. Он почти год копил на проигрыватель и только в начале осени с помощью тети Раи раздобыл вожделенный «Аккорд-001 стерео». На колонки денег, правда, не хватило, а у родителей занимать было совестно. Но ничего, проигрыватель и без колонок смотрелся неплохо. Он стоял на полированной тумбочке, куда Алеша складывал постельное белье, прикрытый прозрачной крышкой. В комнате царил идеальный порядок – мама постаралась перед приходом гостей.

– Проходите, садитесь. Сейчас что-нибудь поставим. – Он небрежно перебирал пластинки. – Карел Готт, Шарль Азнавур, Мирей Матье, «Веселые ребята», «Самоцветы».

– Давай Карела Готта, – остановила его Наташа. – А тебе какая музыка нравится?

– Да не знаю, разная. Мне в последнее время и слушать ее некогда, – многозначительно поднял бровь Алексей, усаживаясь на край письменного стола. – Сегодня суббота, а я весь день со свидетелями работал. А как проводят досуг студенты? Ходят с тетушками по гостям?

Эх, нужно было удержаться от насмешек, но уж больно его задело полнейшее равнодушие «невесты». Кстати, это она пришла к нему знакомиться, а не он к ней.

– Это была мамина идея, – тут же надулась Наташа. – Это все из-за Жени. Он маме ужасно не нравится, она считает его самонадеянным пижоном, который плохо на меня влияет. Поэтому все время старается меня с кем-нибудь познакомить. Вот и тетю Аню подключила.

– Так и не приходила бы, раз так.

– Мама сказала, что, если я не пойду к вам в гости, она меня на зимние каникулы не отпустит с ребятами на Валдай на лыжах. Пришлось идти.

– Ты с гор умеешь кататься? – с интересом спросил Алексей. Наташа такой уж спортсменкой ему не показалась. Ножки у нее были хоть и стройные, но толстенькие, а руки, наоборот, какие-то слабые, и осанка, честно говоря, вялая. Но ему она все равно нравилась, была в ней какая-то уютная мягкость и изящество.

– Нет, я не умею. Женя обещал меня научить. А ты спортом занимаешься?

– Теперь уже нет, а вообще у меня разряд по самбо, на лыжах неплохо бегаю, плаваю прилично. Нам же регулярно приходится нормативы сдавать, так что держу себя в форме, – расправил плечи Алексей.

– А-а, – протянула Наташа и взяла с полки журнал «Огонек».

Что-то напевал сладкоголосый чех, за стеной залиvisto смеялась тетя Рая, Наташа листала журнал, а Алексей никак не мог придумать, как снова завести беседу. В голове назойливо вертелся вопрос, кто такой этот Женя и что в нем такого особенного. Наконец он не выдержал.

– А Женя – это твой однокурсник?

– Теперь нет, он академку взял. Хочет попробовать самостоятельной жизни. Ему надоело сидеть на шее у родителей, – подняла она голову от журнала.

– Да? И чем он сейчас занимается?

– Сейчас киоскером работает в «Союзпечати», – чуть покраснела Наташа. – Но это временно. Он просто дело себе еще не нашел настоящее, и потом...

Она вдруг отчего-то замялась, а Алексей, наоборот, оживился.

– Что потом?

– У него недавно неприятности были, – начала она нерешительно, но вдруг рассердилась и закончила уже совершенно другим тоном: – Он одному другу джинсы помогал купить, американские, они для этого в «Гостинный двор» поехали. Говорят, там рядом есть такое место, можно что хочешь купить. Они как раз торговались, Женя джинсы в руках держал – а тут милиция. Приятель убежал, а Женю задержали и сказали, что он спекулянт. Из-за какой-то ерунды целый скандал раздули, даже в институт сообщили. Женя ведь просто другу помочь хотел, а тот, предатель, от всего отказался!

– Да, конечно. Он об этом месте впервые услышал, и раньше там никогда не бывал, и джинсы никогда не толкал, и все плохие парни убежали, а его, бедного, сцапали. И еще едва не отчислили из института. Но родители похлопотали, и его не выгнали, просто отправили в академку, пока скандал не утихнет, и теперь он продает газетки и собирается на каникулы в горы. Надо же, никогда не знал, что у киоскеров тоже бывают каникулы.

В таком ироническом изложении история Жени не выглядела столь романтично, как Наташе казалось, и она вдруг замерла, с недоумением глядя на своего нового знакомого, точно он ей сейчас рассказал какую-то неслыханную доселе историю.

– А папа у Жени кто? – решил полностью разъяснить ситуацию Алеша.

– Он начальник глав...

Договорить ей не дали, в комнату заглянула веселая и румяная Анна Семеновна.

– Что, детки, уже подружились? Вот и славно. А нам, Наташенька, пора, Ваня уже такси вызвал. В следующий раз увидитесь и наговоритесь, – хитро подмигнула им Анна Семеновна. – У меня через неделю именины, вот и встретитесь.

Наташа возмущенно сверкнула глазами, окинула высокомерным взглядом Алексея и вышла из комнаты.

Он решил, что на именины обязательно пойдет. Если, конечно, ЧП на работе не случится.

Глава 5

– Алеша, куда ты снова собираешься, воскресенье же? Хоть бы денек дали ребенку отдохнуть, – ворчала мама, накладывая ему в тарелку остатки вчерашнего салата и пирог, испеченный Наташиной мамой. – Да что ж это за безобразие такое? Петя, хоть ты ему скажи!

– Мать, ну что ты пристала к парню. – Папа отложил в сторону «Советский спорт» и взялся за вилку. – Он же на работу идет, а не пьянствовать, вон как те из соседнего подъезда. Тем что будни, что праздники. Охламоны! А пирог у вчерашней невесты знатный.

Зинаида Андреевна тут же замерла, наострив уши.

– А этот пирог не она пекла, а ее мама, – ехидно улыбнулся Алеша.

– Что еще за выдумки? Конечно, она.

– А вот и нет. Она мне сама призналась. Но девчонка ничего, забавная.

– Так ты с ней еще раз встретиться договорился? – спеша за ним в прихожую, засуетилась Зинаида Андреевна. О работе в выходные она уже забыла.

– Нет, мам, – с сожалением вздохнул Алексей. – У нее, видишь ли, парень имеется. Очень ревнивый.

– Ох ты господи, подумаешь, – возмущенно запыхтела мать, поправляя ему шарф, как маленькому. – А ты отбей.

– Обязательно.

И выскочил из квартиры.

Сегодня он двинулся напрямик на 6-ю Красноармейскую. Двор здесь был просторнее, чем тот, в котором жил покойный Коростылев, но не такой уютный. Малышни не видно было, наверное, вся окрестная детвора предпочитала сквер с большой горкой неподалеку. На лавочке скучали всего две старушки, и те, кажется, собирались уходить.

– Здравствуйте, – поспешил к ним Алексей. – Вы не подскажете...

Старушки завертели на лавочке и подались ему навстречу.

– Я из уголовного розыска, старший лейтенант Выходцев. Скажите, вы не знакомы с Коростылевым Сергеем Игнатьевичем? Он, говорят, частенько заходил к вам во двор, вроде у него здесь приятель был. Сам-то он на 4-й Красноармейской жил.

– А зачем он тебе понадобился? Случилось что? – поинтересовалась бабулька в меховой шапке, то и дело съезжавшей ей на глаза.

– Погиб он, вот и выясняем обстоятельства. Так знали вы такого?

Он достал из кармана фотографию Коростылева. Все-таки по имени или фамилии в чужом дворе его могли не знать, а в лицо, может, и узнают.

Бабульки сняли рукавицы, вцепились в фотографию.

– Как же, знаем, – ответила вторая старушка, спеша перехватить инициативу у соседки. – Ходил к нам одно время. Он больше с Тарасом Гавриловичем знался, с дворником нашим. Они иногда, бывало, и пива летом вместе выпьют, и с нами посидят. Только давненько его не видно.

– А как давно? – присаживаясь рядом и поправляя пальто, спросил Алексей.

– Да уж с полгода, наверное, будет. Как вы думаете, Тамара Сергеевна?

– Уж не меньше. Я его, наверное, летом последний раз видела. Жара еще была, а он аккурат вон там под акацией на лавочке сидел, один, и вроде ждал кого-то. Я ему кивнула, он мне ответил. А больше я его и не видела.

– Значит, он с дворником дружил, – убрал фотографию Алексей. – А где он сейчас, дворник-то?

– Где ему быть? У себя. Все утро снег греб, сейчас, наверное, отдыхает.

– Вон его окна, на первом этаже, возле арки. Постучите. А мы уж пойдем, спина мерзнуть начинает, зимой-то не больно рассидишься, – посетовала бабушка в мохнатой шапке, поднимаясь с места.

Кряхтя и поддерживая друг друга под локотки, старушки направились к своему подъезду. А Алексей отряхнул снег с пальто и двинулся искать дворницкую.

Короткие, в пол-окна шторы на окнах были задернуты, но Алексею с высоты своего роста было прекрасно видно кухню и сидящего за столом крупного седого мужчину. Он не спеша прихлебывал из чашки и слушал радио – в приоткрытую форточку лился тягучий голос все-народно любимой певицы Людмилы Зыкиной. Алексей поморщился, он терпеть не мог эти напевы о Волге и полустаночках. Хотя о полустаночках, кажется, пел кто-то другой.

Осторожно постучал в форточку, потом еще раз чуть громче – перекрыть поющую Зыкину было непросто.

– Тарас Гаврилович? – позвал Алексей в самую форточку.

Дворник наконец услышал, убавил звук и выглянул в окно.

– Чего надо?

– Надо поговорить. Можно войти? – Алеша решил не тыкать сразу в нос коркой.

– Заходи. Вон подъезд, первая квартира. Чего случилось? Карбюратор барахлит или свечи поменять? – спросил он, едва Алексей показался на пороге.

– Что? Какие свечи? – растерялся поначалу Алексей. – Нет, Тарас Гаврилович, я к вам по другому делу.

– По какому другому? – насторожился дворник, хмурия кустистые брови.

– По поводу вашего знакомого Коростылева Сергея Игнатьевича. – И Алексей достал удостоверение и фотографию покойного.

Тарас Гаврилович внимательно посмотрел удостоверение, потом крякнул и взглянул на фотографию.

– Я слышал, вроде он того, умер?

– Так и есть. А вы его хорошо знали?

– Серегу-то? Да так, приятельствовали. – Дворник явно не торопился приглашать Алексея в комнату. – А теперь-то что с того?

– Тарас Гаврилович, может быть, мне все-таки можно войти? Неудобно как-то на лестнице разговаривать.

– Ладно, ступайте на кухню, только сапоги снимите, чисто у меня, – без особого энтузиазма велел хозяин.

Приятный мужик, приветливый.

– Итак, сколько лет вы были знакомы с погибшим? – отказавшись от дружеского тона, сухо, как на допросе, спросил лейтенант.

– Да лет шесть уж поди.

– Где вы с ним познакомились?

– Да здесь, во дворе, – кивнул за окно Тарас Гаврилович. Болтливость явно не была его пороком.

– Расскажите подробнее.

– Летом дело было вроде. Я двор мел, он зашел, присел на лавочку, спросил спички, папиросой угостил. Разговорились. Он сказал, что по соседству живет, недавно переехал.

– Переехал? – заинтересовался Алексей. – Откуда и почему?

Сколько лет Коростылев прожил на Красноармейской, они с майором как-то не проверяли.

– Почем мне знать? Переехал и переехал. Потом еще раз зашел, сказал, что у него в этом дворе перед войной знакомые какие-то жили.

– Знакомые? – еще больше заинтересовался Алексей. – Кто такие, фамилия, номер квартиры?

– Ничего такого он не говорил. Сказал просто, что в третьем этаже, он даже на окна их все поглядывал, привычка у него такая была, – пожал плечами дворник, доставая папиросы.

– А кто на третьем этаже до войны жил?

– Почем мне знать? Я тогда дворником не был, да и жил в другом месте, на Звенигородской. Наш дом разбомбили. – Он затянулся крепкой вонючей папиросой.

– Хорошо, а сейчас на третьем этаже кто живет?

– Да много кто, дом-то большой. Лютиковы, это справа, они три комнаты занимают, много их. Соседи их Петровы, у тех одна. Потом баба Маня с ними же. В другой парадной Тихоновы, Кострюковы, Воронин, Горловы и Лепикова с дочкой. А в следующем подъезде...

– Стоп. Вы мне их лучше напишите.

– А чего писать-то, мало ли напутаю? Ты лучше в контору сходи, они тебе по документам все распишут.

Точно. Надо будет вместо архива с утра в жилконтору сходить за списком жильцов. Вдруг кто-то из них по старым делам Коростылева проходил.

– Хорошо, – вернулся Алеша к беседе. – Зашел, значит, Коростылев к вам раз-другой, а дальше?

– А дальше что? Стал захаживать. Летом почти каждый день, зимой пореже. Он сторожем где-то работал, сутки через трое, вот выспится и на другой день зайдет. Сын у него на флоте служил, а жены и вовсе не было, так что он, как и я, бобылем жил. Одинокий, значит.

– Может, он о каких-нибудь знакомых, друзьях рассказывал? Или, может, о родственниках? Были же у него родственники?

– Кроме сына, никого. А он ни о ком и не говорил больше. О работе или о сослуживцах бывших, бывало, вспомнит, так то вскользь, к слову.

Дворник заметил его неудовольствие.

– А вот сыном он очень гордился. Хоть тот ему и не родной.

– Как это не родной? – вскинулся Алексей.

– А так. Приемыш. Усыновил он его, когда мать умерла. Отец-то Костин еще в войну погиб, а мать уже после, в 1955-м, что ли? Парнишке тогда уже лет пятнадцать было или больше. Сергей говорил, да я как-то не запомнил.

– А откуда он взялся, этот мальчик? Он был сыном соседей или друзей? Или Коростылеву просто пришло в голову пойти в детский дом? – допытывался Алексей, ощущая непонятное волнение.

Ничего из ряда вон в истории с усыновлением не было, после войны многие семьи были разрушены, дети оставались сиротами, кого-то усыновляли родственники или знакомые, а иногда и просто чужие люди. Но, во-первых, Коростылев усыновил мальчика через десять лет после войны. Во-вторых, парень был уже совсем взрослый.

– Вроде он на его матери жениться собирался. А может, просто крутил с ней? Я тогда уже выпил порядком. – Дворник словно прощения попросил. – Но вроде как ее убили, а Серега мальчонку взял. Тот потом в мореходку поступил, теперь где-то на Севере служит. Женился уже, дети имеются. Да вы у соседей поспрошайте, те наверняка знают.

– Откуда же они могут знать, если Коростылев сюда лет шесть как переехал. Сын-то его уже должен был на флоте служить.

– Но в отпуск-то он приезжает. Каждый год. С семьей.

– Да, видно, отношения у них с отчимом были хорошие. А вы не знаете, как звали ту женщину, мать его сына приемного? Хотя бы фамилию?

– Да откуда же мне? Вы у сына его и спросите, он же наверняка на похороны приехал. Или нет? – с интересом прищурился дворник.

– Пока нет. Он в плавании был, когда это случилось.

Утро понедельника выдалось у Алексея жарким. Очень уж ему хотелось поразить майора Терентьева, так что крутился как белка в колесе. Сперва надо было поднять личное дело об усыновлении Коростылева Константина Сергеевича, потом выяснить, кто проживал до войны на третьем этаже дома 23 по 6-й Красноармейской. Еще просмотреть старые дела в архиве и выяснить, при каких обстоятельствах погибла мать Константина Коростылева, кто вел дело и кто по нему проходил. У Алексея прямо внутренности жгло от сыщицкого предчувствия. А может, от радости, что не придется сидеть целый день в архиве, слушать убаюкивающее шуршание страниц, шепот сотрудников и бороться с дремотой.

Первым делом он все же направился в паспортный стол. Утро понедельника было не приемным, пришлось долго стучать, а потом в щелку объяснять, кто он такой. Показывать удостоверение, ждать, пока сотрудница доложит начальству. Начальница говорила в это время по телефону, а он топтался на крыльце, чувствуя, что свирепеет от бессмысленной потери времени.

Наконец его впустили и чуть не под конвоем проводили в кабинет.

– Слушаю вас, – подняла на него глаза крепко сбитая дама в строгой блузке, с крупными завитушками на голове. Завитушки были такими блестящими и твердыми на вид, что напоминали стальные болванки. Выражение лица дамы тоже было стальным.

– Старший лейтенант Выходцев, уголовный розыск. Мне нужна выписка по дому 23, 6-я Красноармейская улица.

– Какая именно выписка? – не шелохнулась заведующая.

– Список всех жильцов, проживавших до войны и проживающих сейчас в квартирах на третьем этаже.

– Давайте список квартир, – протянула она полную руку.

– А у вас нет списка? – вопросительно приподнял бровь Алексей. Тетка ему не нравилась, уж больно заносчиво себя вела.

– Списки у нас есть, но они сформированы не по этажам. Чтобы сделать такую выборку, потребуется время. Если бы у вас был список, можно было бы сделать быстрее. Ладно. – Она нажала клавишу селектора. – Марина, пригласи Зою Романовну.

В кабинет вошла высокая суховатая женщина в темном платье и вязаной жилетке.

– Зоя Романовна, помогите молодому человеку из угрозыска.

Усадив Алексея между кадкой с фикусом и картотекой, Зоя Романовна выяснила, что именно ему нужно, и принялась споро выдвигать ящички с желтоватыми картонными карточками. Через полчаса Алексей покинул паспортный стол, имея при себе полный список жильцов третьего этажа.

Потом заскочил на работу, составил запрос в городской ЗАГС по поводу усыновления. Проще было заехать в районный и самому на месте все выяснить, но он не знал, ЗАГС какого района оформлял документы.

– Тебе побыстрее надо? – с сочувствием спросила его секретарша Лидочка.

Алексей выразительно провел рукой по горлу.

– Может, тогда возьмешь запрос и сам его отвезешь? Если повезет, они прямо при тебе ответ подготовят. – Она протянула отпечатанный на бланке запрос с печатью.

Словом, весь день у Алексея прошел в разъездах и ожиданиях. Когда он в начале пятого вышел из ЗАГСа, смысла ехать в архив уже не было, и он направился в отдел – отчитываться перед начальством. Конечно, все еще было сыро, не проработано, обнародовать в таком виде свою версию не хотелось, но деваться было некуда. И он поехал на доклад.

– Прибыл, архивный страдалец, – поприветствовал его майор. – Садись, сейчас Сапрыкин подойдет, и будем работать.

Сергей Сапрыкин был третьим членом их опергруппы и по поручению майора разрабатывал бывших коллег Коростылева и тех подозреваемых по старым делам, кого не успел проверить Алексей.

– Докладывайте, товарищи сыщики, что у нас новенького. А что это у тебя на шее? – замер он на полуслове и уставился на Серегу.

– Приятель отцу из Парижа привез. Французский, – произнес со значением записной модник Сапрыкин и поправил узел оранжевого, в ярких полосках галстука.

– Французский, говоришь? Знаешь, ты эту буржуйскую красоту на работу лучше не носи, от дела отвлекает. Будто на сафари попал, а не в уголовный розыск.

Алексей едва не прыснул, но сдержался. Насмехаться не хотелось – Серега парень хороший, только обидчивый немного.

– Так что там у нас? – вернул их к делу Терентьев.

– Ничего, – с ноткой обиды начал Сергей, застегивая пиджак и пряча под ним галстук. – С бывшими коллегами Коростылев почти не общался. Только по праздникам, когда в управление приглашали. А чтобы просто позвонить или встретиться – такого не бывало. Почти у всех семьи, забот хватает, а он инициативы не проявлял. Никаких особых историй, связанных с его бывшими подследственными, никто из коллег Коростылева не помнит. По нулям. А у тебя что? – повернулся он к Алеше, который едва сдерживал возбуждение.

– Есть кое-что.

– Выкладывай, не томи, – велел начальник, не позволяя продлить сладостное предчувствие триумфа.

– Ладно. В выходные я побывал в доме, где жил покойный.

– Это зачем? – нахмурился майор.

– Да так, на всякий случай. Просто не могу понять: человек одинокий, еще полон сил, всю жизнь проработал с людьми – и вдруг замкнулся в четырех стенах, ни с кем не общается. Что-то в этом есть странное.

– Пожалуй. И что же?

– Обычно пенсионеры любят во дворе посидеть, с другими стариками побеседовать. А Коростылев в этой компании появлялся редко. Оказывается, у него по соседству друг-приятель имелся, в доме 23 по 6-й Красноармейской.

Сапрыкин хотел было вклиниться с вопросом, но Терентьев только рукой махнул – не мешай, мол.

– Сходил туда и выяснил, что знакомый у него действительно был – дворник местный. Он с ним свел дружбу лет шесть назад, когда на 4-ю Красноармейскую переехал. Пришел во двор, сам разговор начал, сказал, что у него в этом доме до войны товарищ какой-то жил на третьем этаже. Ни фамилию, ни номер квартиры не назвал. После этого Коростылев стал к дворнику захаживать. Иногда пивка вместе выпьют, иногда так посидят. – Алексей сделал выразительную паузу.

– Лешка, кончай цену набивать, – одернул Серега. – Рассказывай нормально.

– Да рассказываю я. Короче говоря, оказывается, у Коростылева сын не родной, а приемный, и усыновил он его уже взрослым парнем, когда у того мать погибла. И вроде как мать его убили, а Коростылев эту женщину любил. Было это все году в 1955-м. Дворник с Коростылевым тогда выпили, вот тот и разговорился. Здесь в папке списки жильцов, проживавших на третьем этаже до войны и проживающих сейчас. А еще дело об усыновлении Константина Сергеевича Коростылева.

– Ну-ка, – протянул руку майор.

– Коростылев Константин Сергеевич, 1941 года рождения, родился в Ленинграде. Родители: мать – Колосова Галина Петровна, умерла в декабре 1955 года, отец – Колосов Михаил Михайлович, погиб 28 июня 1943-го.

– Подробности?

– Пока никаких. Больше я сегодня ничего собрать не успел, – недовольно доложил Алексей.

– Что ж, это действительно хоть какая-то зацепка, – отложил справку Терентьев. – Хотя она и не объясняет, почему именно убийца Коростылева разгромил камин и что он там искал. Теперь так. Ты, Алексей, с самого утра выясняешь, когда и при каких обстоятельствах погибла Галина Колосова. Сергей, ты выясняешь все о жизни Колосовых-Коростылевых. Надо установить прежний адрес проживания обоих. И покопайся в прошлом самого Константина.

– Так он вроде в плавании был, разве он мог отца убить?

– Он – нет. Но ниточка, которую ты нашупал, пока единственная перспективная линия расследования, какая у нас на сегодня имеется. Кстати, завтра приезжает сам Константин Сергеевич. Так что неплохо бы к его визиту подготовиться. На завтра я его вызывать не буду, пусть отдохнет с дороги, а вот к послезавтра у нас с вами должна быть картина его жизни, желательно со всеми подробностями.

Эх, вот теперь все стало интересно, как он любит. Алексей азартно потер руки и придвинул папку с делом об убийстве Колосовой Галины Петровны, старшего архивариуса Центрального государственного исторического архива.

Вот оно, дельце, вот она, разгадка. А дело-то вел Коростылев Сергей Игнатьевич.

Декабрь 1955-го. Тело обнаружено в хранилище, пробита височная кость. Все выглядело так, словно женщина упала с высокой стремянки, лежащей тут же. Но эксперты доказали, что это убийство. К тому же умышленное.

Глава 6

Ленинград, 1955 год

– Проходите, пожалуйста. Вот сюда, – показывал дорогу директор архива, перепуганный, с дрожащими руками и сбившимся на сторону галстук. – Ее уборщица нашла сегодня утром. Сразу на вахту сообщила. Они «Скорую» вызвали, а уж потом мне, а «Скорая» вас вызвала. Какой ужас! – И он промокнул большим клетчатым платком мокрый от испарины лоб.

В зале, заставленном бесконечными рядами высоких стеллажей, толпились люди.

– Расходитесь, товарищи, – врзаясь в стайку сотрудников, приговаривал директор. – Милиция приехала. Разойдитесь, пожалуйста.

Работники архива посторонились, но расходиться не спешили.

– Николаев, – кивнул на собрание капитан Коростылев, – оставь двоих понятых и очисти помещение. Вас, товарищ директор, это тоже касается. Позже поговорим.

Тот спорить не стал, лишь молча кивнул и, подталкивая руками коллег, заспешил на выход.

Жорка Николаев, крепкий добродушный парень, шел следом, приговаривая:

– Проходим, товарищи, не задерживаемся.

Бригада уже склонилась над телом.

Коростылев подойти туда не мог. Он просто стоял, прислонившись к стеллажу, и пытался проглотить слезы. Плохо выбритые щеки едва заметно подрагивали, а он изо всех сил пытался взять себя в руки.

Никак ему сейчас нельзя себя выдать. Тогда его отстранят от дела. А этого он допустить не мог. Не хотел.

– Сергей Игнатьевич, – окликнул его медэксперт, – мы закончили.

– Я тоже, – убрал аппарат фотограф.

– Хорошо.

Он встряхнулся, незаметно вытер рукавом глаза и шагнул вперед.

Галя лежала на полу с закрытыми глазами, раскинув руки и подогнув под себя колени, словно заснула в неудобной позе. Рядом валялась огромная стремянка. На полу лужица крови из пробитого виска.

– Удар нанесен тяжелым предметом с острым краем, здесь такого нет, – пояснил эксперт. – Вероятно, при падении она сильно ударилась головой, не исключено, что потеряла сознание. Потом ее добились.

– Ладно, можете идти. Николаев, Ромин, давайте по отделах, опросите всех. Организация закрытая, пропускной режим, так что чужие здесь не ходят. Я здесь еще немного осмотрюсь, а потом зайду к директору. Я скажу, когда можно будет забирать тело.

Сводящую челюсть судорогу он победил, но глянуть в глаза подчиненным сил не хватило.

Только когда шаги стихли и в хранилище, кроме них с Галей, никого не осталось, он опустился на колени и взял в свою широкую мозолистую ладонь ее холодную руку. Больше держаться он не мог.

Сергей Коростылев никогда никого не любил. Разве что мать, и то скорее уважал. Сердце у него было какое-то малочувствительное. Нет, он не был злым, многих жалел, многим помогал, были у него и друзья, но вот какой-то большой любви, чтобы за нее в огонь и в воду, чтобы без нее ни дышать, ни жить, – такого в его жизни не было. Потому и не женился, и семью не завел.

И вдруг Галя. Немолодая, не особо красивая, но словно освещенная изнутри каким-то чудесным светом.

Нет, он и раньше встречал интеллигентных, образованных женщин, утонченных даже. Все ж таки в уголовном розыске всю жизнь – не в слесарном цеху. С кем только дела иметь не приходилось. Но вот таких, как Галина, никогда не встречал. А познакомились они случайно пять лет назад, в апреле. Она по переулку шла к своему дому, в руках сумочка и сетка с продуктами. Возле седьмого дома из-под арки компания вырулила, нахальные такие ребята. Окружили ее, стали насмехаться, сумку с продуктами отобрали, беретик сдернули, дразнили, один схватил чуть пониже спины. А она, бедная, только охала, ахала и просила не безобразничать. А в голосе слезы.

Сергей тогда как раз с Колокольной в Поварской переулок свернул. Со службы шел, в форме. Окликнул охламонов – те врассыпную. Сумку бросили, беретик в подворотню зашвырнули, а Галя, бедная, на корточки по стене съехала и ревет. Он тогда, конечно, не знал, как ее зовут, даже не особенно разглядел. Просто подобрал вещички и до дома проводил.

А спустя три дня снова увидел, она как раз перед ним в булочной в очереди стояла. Вот тут уж разговорились. Узнала, благодарила. Просто так, душевно, от всего сердца. Тогда Сергей этот удивительный свет впервые заметил. Галя рассказала, что с сыном вдвоем живет, муж на фронте погиб, мальчонка отца вообще никогда не видел. Когда муж на фронт уходил, тому всего пару месяцев от роду было. Сама она историк, в архиве работает. Сергей снова ее проводил, благо по пути, она его на чай пригласила. Потом он ее сына Костика во Дворец пионеров в секцию юнг пристроил, а то парнишка после школы все один дома сидел, пока мать на работе, мало ли чего ему от скуки в голову придет. Потом летом с пионерлагерем помог. Потом он гриппом тяжело болел, Галина с Костей его выхаживали.

И вот так незаметно вошли они в жизнь друг друга. Стали необходимы. А года через два Сергей вдруг понял, что дороже Гали с Костей никого у него на свете нет. Это была та самая любовь, которая заполнила его душу томительным теплом, согревала его днем и ночью, стала смыслом жизни. О том, чтобы признаться ей или там замуж позвать, он и не думал. Кто он и кто она? Он и писать-то, кроме протоколов, ничего не умеет, и книжек в своей жизни толком не читал. А Галя? Да у них книг этих дома больше, чем в библиотеке. Хотя комнатка маленькая, а до самого потолка книги. Галя с Костиком в театры, в филармонию ходят, о высоких вещах рассуждают. А он кто? Простой сыскарь, не очень образованный, грубоватый. Из народа, что называется. Вот и не лез он со своими глупостями, радовался просто возможности рядом быть.

А потом как-то Костик спросил, они тогда вдвоем дома были, модель ялика делали. Почему, говорит, дядя Сережа, вы на маме не женитесь. И еще прибавил, что было бы здорово. Только тогда Сергей и понял, как это было бы здорово. Да только пойдет ли она за него? А если нет, тогда как быть? Вдруг она решит, что им лучше не видеться? А уж этого он никак допустить не мог, потому предпочитал и дальше помалкивать. Пока снова Костик не выручил.

Однажды они вечером вместе дома сидели, у Гали какой-то семинар или конференция была, он в этом не очень разобрался. Костик снова разговор и завел.

– Дядя Сережа, вы мою маму очень любите?

Так и спросил – не просто «любите», а «очень любите»? Чего тут было врать. Очень. Костик ему: она вас тоже любит, только стесняется. Если бы вы за ней по-настоящему ухаживать начали, она бы точно за вас замуж пошла.

– Я это точно знаю. Она сама мне говорила, что после моего папы вы самый добрый, надежный и хороший человек, которого она встречала.

С этого разговора у них все пошло на лад. Сергей уже и предложение сделал, как раз в свой день рождения, две недели назад. И Галя действительно согласилась. Уже планы строили, как им дальше жить втроем, и заявление собирались в ЗАГС подавать.

Не успели.

Он поднял Галю с пола, обнял, прижал к себе. И, не сдерживая слез, заплакал.

Плакал и шептал, словно давал клятву.

– Я его найду. Из-под земли достану. Сам найду. Найду.

Так он сидел, пока не услышал в соседнем зале голоса. А потом Жорка Николаев притопал в хранилище.

– Сергей Игнатьевич?

Хорошо, с порога окликнул.

– Сейчас иду, – утирая слезы, хрипло прокричал майор, опасаясь, как бы Жорка не сунулся на место преступления. – Чего тебе?

Он осторожно опустил Галю на пол, потихоньку вытер слезы с лица и выглянул из прохода.

– Там это, посетители пришли. Те, кто здесь не работает. Может, их в отдельном помещении собрать? Некоторые здесь и вчера были, другие частенько бывают, может, знают что? Я подумал, может, не стоит их с сотрудниками смешивать?

– Молодец, так и сделай.

Дождлся, пока Николаев умчится исполнять, потом вернулся к Гале. Теперь уже он осматривал хранилище: стеллажи, соседние проходы, стремянку. И только потом позвал санитаров.

Надо было работать. Искать убийцу. Окончательно взяв себя в руки, майор Коростылев вышел из хранилища.

Подозреваемых было много и никого конкретно.

Прошло уже пять дней с того самого утра, когда он увидел Галю, лежащую среди стеллажей. С того дня, как он вошел в такую знакомую, набитую книгами комнату с круглым столом посередине и сказал Косте, что его мать убили.

Ничего страшнее этой минуты в его жизни не было. Даже вид мертвой Гали был не так страшен, как глаза ребенка, которому сообщили, что его мать мертва. Он сообщил.

Костя еще с утра волновался, почему мама домой не вернулась. Он и к Сергею прибежал, идти-то всего два дома, да тот был на дежурстве. Ему потом соседка рассказала.

Как закончил дела в архиве, сразу к мальчишке поехал. Костя в тот день даже в школу не пошел, очень за мать волновался, в архив звонил, но ему ничего не рассказали, побоялись. Пришлось Сергею самому. Да так оно, пожалуй, и лучше.

А Костик сразу все понял, едва его увидел. По глазам догадался. А потом они сидели, обнявшись, на кровати и плакали. Хотя мужчинам не полагается.

Сергей Костю в тот же вечер к себе забрал, чтобы парень один не оставался. Хоть и большой уже, четырнадцать лет, а все равно ребенок. А у Сергея Дарья Федоровна, соседка, пожилая, одинокая, целыми днями дома. И присмотрит, и накормит, и пожалует сироту, пока Сергей убийцу его матери ищет.

Да, Костя молодец, держится. А вот он подкачал. Пять дней прошло, а толку никакого.

Убили Галю, по свидетельству экспертов, не позднее семи вечера. Сотрудники ее не видели после половины шестого. Младшая научная сотрудница Галиного отдела в тот день сидела на бюллетене, так что пришлось Гале самой отдел закрывать.

Дежурный на проходной утверждает, что все сотрудники покинули архив вовремя, никто не задержался и раньше не ушел. Пришлих, то есть посетителей, к вечеру оставалось в здании человек пять.

Самым отвратительным в этом деле были дружные заверения в том, что никаких врагов у Галины не было, ни с кем она не конфликтовала. Все ее любили и уважали.

Так оно и было. Галя всегда отзывалась о коллегах тепло и уважительно, уж Сергей-то хорошо это знал. Мечтала, чтобы Костик пошел на историка учиться и к ним в архив потом устроился, потому что более интересного места, чем их архив, где трудятся добрые, талантливые, увлекающиеся люди, на свете не существовало. Сам Костик, правда, военным моряком мечтал стать. Но кто-то из этих добрых, умных, талантливых взял и убил Галину. И не оставил никаких следов.

Ничего, это их пока нет – так он себя успокаивал. В любом деле так бывает: нет свидетелей, и улики вроде нет, а потом какая-нибудь мелочь всплывет и весь воз за собой вытянет. Это уж непременно.

Он углубился в составленный совместно с опергруппой график перемещения сотрудников архива. Надо было исключить как можно больше людей, не имевших возможности убить.

Первым делом стоит вычеркнуть директора. Секретарь утверждает, что находилась безотлучно в приемной и директор своего кабинета не покидал. У самой секретарши тоже железное алиби, как и у старшего экономиста. Тот приходил ставить печати на документах, как раз под конец рабочего дня.

К вечеру, сопоставив показания многочисленных свидетелей, подтверждавших или опровергавших алиби друг друга, ему удалось исключить из списка большую часть сотрудников. Оставалось человек пятнадцать. У некоторых из них алиби имелось, но вызывало сомнения. И ни у кого не было мотива.

Хорошо еще, что проникновение на территорию архива посторонних удалось категорически исключить. Круг сужался, результатов не было.

Ромин и Николаев сидели безвылазно в архиве – допрашивали свидетелей, сужая раз за разом круг подозреваемых. Окончательный список выглядел так.

Протасова Инна Георгиевна, главный хранитель фондов.

Рыжиков Аристарх Иванович, заведующий научно-справочной библиотекой.

Лежевская Ираида Львовна, сотрудница стола справок.

Борисов Яков Леонидович, младший научный сотрудник отдела обеспечения сохранности.

Щукина Любовь Антиповна, старший научный сотрудник общего отдела.

Кирилин Дмитрий Борисович, аспирант ЛГУ им. Жданова.

Маковская Антонина Федосеевна, старший научный сотрудник Русского музея.

Двое последних в штате архива не числились, занимались исследовательской работой, появлялись в архиве нерегулярно. Следовательно, вряд ли имели с покойной близкие отношения.

Думая о деле, он старался не допускать ничего личного в свои рассуждения, даже Галю по имени в мыслях не называл. Так было легче.

В кабинете стояла звенящая тишина, строго тикали часы. Он сидел за столом и малодушно изобретал, чем бы еще себя занять.

– Старый ты эгоист, – одернул он себя наконец. – Пацан дома один сидит, ждет тебя, а ты отсиживаешься в кабинете.

Но домой идти он действительно боялся. Знал, что Костя ждет его и, едва Сергей переступит порог, выскочит в прихожую. И в глазах его будет жгучий немой вопрос: ты нашел убийцу моей матери?

И Сергею снова будет нечего ответить.

Капитан Коростылев тяжело вздохнул, поднялся из-за стола, нахлобучил ушанку, вздохнул протяжно, потер рукой заросшую щетиной щеку и вышел из кабинета.

В квартиру зашел тихо, не бухая привычно дверь. Но Костик все равно услышал, вышел в коридор. Взглянул на Сергея и по его виноватому лицу все сразу понял. Как всегда, ничего не сказал – пошел прямо на кухню ставить чайник и греть картошку. Баба Даша уже спала.

Она всегда рано ложилась, по старой деревенской привычке, и вставала ни свет ни заря. Так что в квартире они все равно что одни были.

Пока Костик хозяйничал и накрывал на стол, Сергей успел умыться и переодеться. Когда сел за стол, Костя как раз внес в комнату тяжелую чугунную сковородку.

– Себе-то положи, наверное, голодный уже, – заглядывая Костику в глаза, предложил он. Тот, как заправская хозяйка, наваливал ему дымящуюся, с золотистой корочкой картошку со сковороды.

– Да нет, я ел. Мы с Дарьей Федоровной ужинали.

Костик налил ему чай и достал из буфета сахарницу.

Сергей крикнул и посмотрел на стол. Справа от тарелки лежал нож, слева вилка. Нож был большой, с деревянной ручкой. Обычный кухонный нож, других у него в хозяйстве не было. Но Костик всегда накрывал на стол, как учила мама. И Сергей Игнатьевич неловко, стесняясь собственной дремучести, взялся за приборы.

– Как в школе сегодня? – Он изо всех сил старался отвлечь Костика, наблюдающего за его руками.

– Да ничего, – протянул он так, что Сергей напрягся. По лицу мальчика было видно, что-то его тревожит.

А ведь он лично ходил к директору, объяснял ситуацию. Просил быть к парню внимательнее.

– Дядя Сережа, а меня теперь в детский дом сдадут? – словно о чем-то неважном, спросил Костя. И в угол комнаты глазами уткнулся.

– В детский дом?

Об этом Сергей до сих пор не думал, некогда было.

– Сегодня Василиса Антоновна сказала, что один я жить не могу, а родственников у меня нет, поэтому меня будут в детский дом определять. – Голос звучал напряженно, глухо.

– Да-а. Наверное, она права.

В комнате повисла тяжелая тишина. Костя как-то сник, сжался и сидел, не двигаясь, со скорбно согнутой спиной.

– Гм, – прокашлялся Сергей Игнатьевич и сбивчиво начал: – Я, Костя, вот что подумал. Мы же вроде все равно, это, вместе жить собирались, то есть еще до...

Да что он мямлит, как девица на выданье, рассердился на себя Сергей.

– Осиротели мы с тобой, Константин, так давай уж вместе держаться. Если ты, конечно...

Договорить он не успел – Костя сорвался с места, обхватил его за шею, так крепко, что Сергею даже дышать тяжело стало.

Он обнял мальчика, прижал к себе, тихо забормотал, борясь с комом в горле.

– Ничего, Костик, ничего. Мы справимся. Должны справиться, мы же с тобой мужики. Верно?

Костя всхлипнул и, оторвавшись от него, вытер рукавом глаза.

– А можно мне завтра домой сходить за вещами? – спросил робко.

– Конечно. – Сергей обрадовался, что тема сменилась. – Сходи. И еще знаешь что? Я машину на работе попрошу, мы все книги сюда перевезем, и вещи, и занавески мамины на окна повесим. А насчет комнаты я похлопочу. Может, еще удастся ее за тобой оставить. Ты уже парень взрослый. Год-другой – школу окончишь, институт, а там женишься, глядишь, куда ж вам с женой деваться тогда? Ничего. Не бойсь. Мне товарищи помогут.

Он успокаивал себя и Костика и удивлялся, что сам до сих пор не подумал о таком очевидном деле.

Глава 7

Ленинград, 1975 год

– Дядя Сережа усыновил меня после смерти матери, – спокойным голосом рассказывал Константин Коростылев. Высокий, широкоплечий, в черном военно-морском мундире, капитан второго ранга в кабинете Терентьева смотрелся очень солидно. – Это было в 1956 году, мне было четырнадцать лет. После смерти матери я остался один, и, по идее, меня должны были в детский дом забрать, потому что родственников не было. Спасибо дяде Сереже, пожалел сироту.

– А почему он решил вас усыновить? – подался вперед Терентьев. – Его мучила совесть, что он так и не нашел убийцу вашей матери?

– Нет. Хотя совесть его, безусловно, мучила, а еще больше жажда мести. Но усыновил он меня не поэтому. Незадолго до маминой смерти они решили пожениться. Отца я никогда не знал, он ушел на фронт в первые дни войны, мне тогда было несколько месяцев от роду. Так что дядя Сережа заменил мне отца. Он долго за матерью ухаживал, несколько лет, стеснялся очень. Мы с ним успели подружиться. Поэтому, когда маму убили, он меня сразу к себе забрал. Сначала просто так, чтобы я один не оставался. Потом уже усыновил.

– Поймите, вы сказали, что Коростылев и ваша мать находились в близких отношениях?

– Совершенно верно, – кивнул Коростылев, не понимая, что не устраивает майора.

– Как же ему поручили вести дело об убийстве, если у него был личный интерес?

– Об их близких отношениях с мамой на службе у дяди Сережи никто не знал, а он всячески скрывал этот факт, чтобы у него не отобрали дело. Знал только лейтенант Николаев, но он Сергея Игнатьевича боготворил, все был готов для него сделать. Он нас не выдал, хотя это и грозило большими неприятностями.

– Та-ак. Ясно. – Терентьев что-то пометил в блокноте. – Мы изучили материалы дела. Насколько я понимаю, у Сергея Игнатьевича все же имелись несколько подозреваемых, но доказательства вины ни на одного из них он найти так и не сумел?

– Да. Он вынужден был закрыть дело. Но сам не успокоился. Дядя Сережа был уверен, что маму убил некто Кирилин, аспирант исторического факультета. Он много работал в мамином секторе, кандидатскую, кажется, писал. Сергею Игнатьевичу удалось установить, что из архива пропал документ – письмо XIX века, автор не известен. На место пропавшего кто-то подложил другую бумагу. Когда именно письмо исчезло, точно установить не удалось, но с папкой, в которой оно хранилось, незадолго до маминой смерти работал тот самый Кирилин.

Дядя Сережа был уверен, что все дело в письме. Но Кирилин утверждал, что он работал именно с этим, подложным, и другого не видел. Напирал, что документ подменили до него. Дядя Сережа в это не верил. Говорил, чувствует, что тот врет, но доказательств нет. Обыск в квартире Кирилина ничего не дал. Дело пришлось закрыть, но дядя Сережа сказал, что не успокоится, пока не выведет убийцу на чистую воду. А вскоре этот самый Кирилин исчез. Уехал летом на море проводить какие-то исследования, потом устроился там в рыболовецкий совхоз, а дальше исчез. Дядя Сережа даже сам туда ездил, выяснял, в чем дело. Но Кирилин как сквозь землю провалился.

– А может, Коростылев нашел его, убил, а всем объявил, что тот пропал без вести? – Алексей даже привстал от волнения.

– Да вы что? Сергей Игнатьевич был капитаном уголовного розыска, а не убийцей, – возмутился Константин Коростылев.

– Простите, – вмешался майор, делая Алексею взглядом строгий выговор.

Алексей смутился и постарался сделаться незаметнее.

– Константин Сергеевич, а что вы знаете о круге общения вашего отца в последние годы? – решил сменить тему Терентьев.

– Честно говоря, немного. Переписывались мы не часто, он писать не любил, да и я тоже не мастер. Иногда созванивались, примерно раз в месяц, если, конечно, я не был в походе. И отпуск всегда в Ленинграде. Он никогда не настаивал, чтобы я к нему приезжал, а жена ругалась, ей хотелось на Черное море всей семьей съездить. Но я так не мог – всегда помню, что он для меня сделал. Другой семьи у дяди Сережи никогда не было, а к старости так и вовсе, кроме меня, никого не осталось.

– Значит, ничего о нынешних его знакомых вам не известно?

– Нет, – развел руками Коростылев. – Месяца два назад он мне написал, чтобы я срочно оформлял отпуск, у него намечается какое-то дело. Судьба дала нам шанс, и лучше, если я буду в Ленинграде. Писал, что случайно встретил какого-то человека. И еще всякую ерунду. Путаница, словом, а не письмо. Я ничего не понял и позвонил, мы тогда, к счастью, на берегу были. У меня телефона нет, я с телеграфа. А у дяди Сережи в квартире есть. Но он и по телефону не захотел ничего объяснять, только требовал, чтобы я немедленно взял отпуск. Дело, дескать, чрезвычайной важности. Я должен быть в Ленинграде, он приготовил для меня сюрприз. Я не поверю, когда узнаю. Тогда я подумал, что старику, видно, совсем одиноко. Пообещал ему, что пришло на весенние каникулы Марину с ребятами. Старший, Мишка, у меня уже во второй класс ходит, а Таня еще в садике. А он сердился, говорил, что я ничего не понимаю и чтобы немедленно отпуск брал. Какой там отпуск, мы через неделю в плавание уходили. Так я и не понял, что он тогда сказать хотел, почему так переполошился.

Ох как Алексею хотелось закричать: «Так что ж ты раньше-то молчал?»

– Письмо у вас, конечно, не сохранилось? – без всякой надежды уточнил Терентьев.

– Не знаю, надо у жены спросить. Может, и не выкинули, – пожал плечами Константин. – Я дома редко бываю, толком и не знаю, что у нас выбрасывается, что нет. А сейчас и вовсе с корабля на самолет и сюда. Хотя что уж было торопиться – на похороны все равно опоздал.

– Что скажете, товарищи сыщики? – спросил Юрий Васильевич, едва за Коростылевым закрылась дверь.

– Разгадка в письме, – тут же начал Алексей. – В жизни Коростылева-старшего что-то назревало, и это его и убило.

– Согласен. Только не ждите чудес. Пока письмо найдут, если найдут, пока его вышлют. Да еще не известно, что в нем.

– Я вот что подумал. Если убийца пришел в НИИ, чтобы достать что-то из камина, допустим, клад, – последнее слово Сапрыкин произнес так, будто в кавычки взял, – а Коростылев был с ним знаком и сам его пустил на территорию института, то не мог ли этот клад быть тем самым сюрпризом, о котором намекал покойный в письме приемному сыну? И отпуск требовал взять, чтобы подстраховать его, потому что не доверял своему компаньону.

– Что ж, логично. А компаньон пожадничал и Коростылева убил, – закончил мысль Терентьев. – Знаешь что, выясни, как давно Коростылев работает в этом НИИ. Если давно, значит, убийца вышел на него сам, чтобы получить доступ в институт. А если недавно, то Коростылев мог устроиться туда намеренно, из-за клада.

– Есть! – с довольной улыбкой отрапортовал Сергей.

– В деле об убийстве Галины Колосовой фигурирует некто Дмитрий Борисович Кирилин. Тот, о котором упоминал Коростылев-младший, – вмешался Алексей. – А в доме номер 23 по 6-й Красноармейской проживают Кирилин Борис Аркадьевич и Кирилина Алевтина Леонидовна.

– Ох и везет же тебе, Выходцев, – улыбнулся Юрий Васильевич. – Все важные открытия в этом деле – твои. Так и до следующего звания недалеко.

Сапрыкин ревниво взглянул на Алешу. Он был старше, считался опытнее и надеялся в ближайшее время надеть капитанские погоны.

– Алексей, разрабатываешь Кирилиных. Сергей, выясни, как давно работал в институте Коростылев. Заодно проверь на всякий случай остальных фигурантов дела об убийстве Галины Колосовой. Чует мое сердце: эти два дела как-то связаны. Разыщи их, выясни алиби на время убийства Коростылева. Хотя какое среди ночи может быть алиби, когда все нормальные люди в это время спят. Алексей, с Кирилиным поосторожнее, не спугни. И вообще помните, что мы ищем убийцу и есть вероятность, что на его совести две жертвы. Теперь свободны.

Алексей с Сапрыкиным вышли из кабинета.

Глава 8

Ленинград, 1955 год

Дело с мертвой точки не двигалось.

Он выучил уже наизусть протоколы допросов подозреваемых, досконально знал каждого из них, мог нарисовать схему передвижения любого в вечер убийства. Но ни мотива, ни улики не мог найти, а без них дела, считай, и нет.

Взять, например, главного хранителя Протасову. Уважаемая дама, профессор, регалии, труды, муж инженер, сын студент, дочка замужем за метростроителем. В семье тишь да гладь. С покойной поддерживала ровные деловые отношения. Все до единого сотрудники архива это подтверждают, да и Галя при жизни никогда ничего плохого о ней не говорила, а уж Гале-то он верил.

А что алиби нет... Что тут поделаешь, если человек один в кабинете сидит, а секретарь третий день бюллетенит?

Или взять Лежневскую из стола справок. Эффектная женщина, можно сказать, красавица, муж – большой начальник, в Смольном работает. Что ей было с Галиной делить? Деньги? Мужа? Должность?

То же самое – старший научный сотрудник Щукина. С ней Галина прятельствовала. Чай иногда вместе пили, несколько раз на концерты выбирались. У Щукиной муж на железной дороге работает, часто в разъездах, вот она Галину и приглашала. Близкими подругами они не были, Галя вообще туго с людьми сходилась, очень была замкнутой, стеснительной. Странно даже, что она Сергея в свою жизнь пустила. Может, от одиночества устала, а может, понравился он ей, поняла, что человек хороший. Или почувствовала, что влюблен? Женщины такое чувствуют, хоть виду не подадут.

Младший научный сотрудник Борисов, сопляк в юношеских прыщах и с толстенными линзами на носу. Такого в роли убийцы даже представить дико. Заикается, путается в словах, ручки от страха ходуном ходят, самое время мамку на помощь звать. Тьфу. Размазня, а не парень. И все равно петушиться пытался, когда Коростылев на него надавить попробовал.

Да-а. И что толку с этих подозреваемых?

Вот если бы было убийство по неосторожности, тогда всех троих можно было бы всерьез рассматривать в качестве потенциальных убийц. Но убийство-то было намеренным.

Сергею удалось вычислить орудие убийства. Как показал опрос сотрудников, из хранилища пропал небольшой бюст Пушкина, который подарили на юбилей еще Галиной предшественнице. Он долгие годы стоял на Галином рабочем столе и вдруг исчез. Эксперты сошлись на том, что удар таким предметом вполне мог стать смертельным, и теперь Жорка Николаев носом землю рыл, пытаясь отыскать этот бюст.

Остальные подозреваемые и вовсе не имели к Галине никакого отношения. Старший научный сотрудник Русского музея Маковская приходила работать с документами, с архивариусом практически не общалась. Сидела молча за столом и что-то строчила в своих блокнотах. Так она и сейчас приходит раза два в неделю. За что ей Галину убивать? Никаких связей с погибшей ни у Маковской, ни у ее родственников обнаружить не удалось.

То же самое аспирант этот, Кирилин. Молодой парень, комсомолец, отличник, в университете на хорошем счету. Интеллигентные родители, ни в чем ни разу не замечены. Что ему можно предъявить? За что он ее убил? Не за что. К тому же свидетели подтверждают, что Галина была неизменно доброжелательна с обоими – и с Кирилиным, и с Маковской.

Никто из них убить не мог. И все же кто-то убил.

– Вот что я думаю, Николаев. Мотивов для убийства на свете не так много, а точнее, всего два – любовь и деньги. Остальное так, вариации на тему. Любовь здесь определенно ни при чем. Это все сослуживцы подтвердили, да я и сам знаю.

Перед Николаевым ему таиться было нечего. Жорка к нему на днях домой заходил и с Костей познакомился. Вот проныра сопливая, крикнул, вспомнив о конфузе, Коростылев. Как дело было: приходит он домой со службы и видит картину маслом – Костик гостя чаем потчует и об их делах семейных докладывает. Ладно, Жорка парень надежный, такой не выдаст. А ему, Сергею, даже легче стало, хоть с кем-то можно по душам поговорить.

– Если не любовь, остаются деньги. Своих денег у Галины, понятно, отродясь не водилось. А вот документки архивные сумасшедших денег могут стоять, я сообразил справки навести. Что, если кто-то решил архив обчистить? Даже не обчистить, а так, спереть бумажку-другую. Никто и не заметит, а заметит, так не сразу. Да и вынести ее из архива несложно, чай, не сервиз и не часы каминные. Могло такое быть?

– Могло, – охотно согласился Жорка и закивал белобрысой головой.

– Вот. А Галина его поймала за руку. Он с перепугу ее и убил. А может, и не с перепугу, а умышленно. Если это был кто-то из своих, то она по доброте душевной могла припугнуть паразита, мол, не вернешь документ – пойду в милицию или к директору, вот он и... Что думаешь?

Эту версию он вынашивал уже дня два. Допросы сотрудников с рассказами, каким чудесным человеком была Галина Петровна, да как ее все любили, да как все дружили, да какой у них коллектив замечательный, порядком ему надоели. Он этих рассказов и от самой Галины наслушался. Галя часто говорила о работе, коллегах, и всегда только хорошее, как будто это было не обычное советское учреждение, а Святейший Синод. Кстати, он в нынешнем здании архива, кажется, раньше и заседал. Так вот, кто-то из этих ученых святош на народное достоинство покусился, не иначе. Вопрос, кто и как гада вычислить.

– По-моему, в десятку, Сергей Игнатьевич! Точно, – замотал вихрастой головой Жорка. – И что теперь делать будем?

– А что в магазине в таких случаях делают или на фабрике, к примеру? Ревизию устраивают. Вот и мы устроим. Глядишь, спугнем кого. – И он плотоядно шелкнул зубами.

Добиться ревизии в архиве оказалось делом не легким. Директор архива Толоконников, профессор, член-корреспондент и так далее, вдруг страшно заартачился, забегал по инстанциям, подвывая о высокой репутации учреждения, о происках завистников, о пятне на весь коллектив и прочих глупостях. Ну да убийство на рабочем месте – это вам не шуточки, пришлось ему уступить, а уж каким соловьем заливался, по каким кабинетам бегал. А вот не вышло. Коростылев – старый хитрый лис и таких бородатых ученых козлов за версту видел и десятками на завтрак кушал.

Ревизия началась. В ходе кропотливой работы был установлен один незначительный с виду факт.

Пропало письмо неизвестного, датированное 1848 годом. Ничего особенного это письмо собой не представляло и хранилось среди прочих бумаг князя Александра Васильевича Трубецкого.

– Это какой-то родственник декабриста, что ли, – объяснял Жорке Коростылев. – Причем не особо близкий. К тому же, как мне в архиве объяснили, он травил Пушкина и вроде даже с Дантесом дружил и клеветал на поэта. Вот ведь мерзавец, а? И кому понадобилось письмо из его архива?

– Сергей Игнатьевич, а что в том письме было? Мне тут мысль пришла: что, если в этом письме было ясно написано, что он клеветник и мерзавец, Трубецкой этот? Тогда письмо могли выкрасть его потомки. Или заказать кому-нибудь из сотрудников архива. Не хотели, чтобы

делишки их предка на свет божий выползли. Пушкиным весь мир восхищается, а он гения травил, до дуэли довел вместе с другими великосветскими подлецами.

– А что, почему не версия? – оживился Коростылев. – Аристократы эти – народ спесивый, все о чести рода хлопочут. Может быть, очень даже может быть. Могли и из-за границы эту кражу заказать и валютой заплатить. Знаешь что? Надо достать список всех иностранцев, которые за полгода побывали в Ленинграде. Проверь, не было ли среди них кого из белых эмигрантов. И велю-ка я директору архива выяснить, кто из потомков Трубецких ныне проживает в Советском Союзе. Может, кто и выжил. А пока попробуем выяснить, кто проявлял интерес к архиву Трубецкого. Мне главный хранитель клялась, что у них все фиксируется – кто когда с какими документами работал. Если, конечно, он туда потихоньку не лазил, так что Галина не замечала, пока не застучала на месте преступления.

И завертелось все сначала. У старшего хранителя Протасовой муж был за границей, на какое-то предприятие в Восточной Германии ездил для обмена опытом и налаживания совместного производства. Мог он там завязать знакомство с Трубецкими? Мог. Мог жену подбить на кражу? За большие деньги мог. Подумаешь, бумажка в один листик. Сперли, никто лет десять не заметит. Тем более что вместо подлинной липовую подложили.

Далее. Лежевская. Муж – большой начальник, часто бывают на приемах в Смольном. А там иностранные дипломаты. Могли снюхаться? Теоретически могли, но практически? Станет ли такой человек, партиец со стажем, награжденный орденами и медалями, рисковать карьерой? Вряд ли. А жена его, за флакон французских духов или за финтифлюшки какие-нибудь?

Он вспомнил Ираиду Львовну с ее приподнятыми бровями, надменным взглядом и золотыми сережками в ушах. Нет, такая не снизойдет. Но проверить все же надо. Добросовестность превыше всего.

Следующий. Младший научный сотрудник Борисов. Тощий, прыщавый, маменькин сынок, у такого связаться с иностранцами духу не хватит. Хотя если Трубецкие эти не за границей, а в России проживают, дело другое.

Тут очень кстати вспомнилось, как в кабинет во время допроса Борисова заглянула Лежевская и какими восторженными глазами этот юнец смотрел на красавицу, хотя та и старше его лет на пятнадцать. Да, перспектива получить большие деньги его могла бы соблазнить, это не исключено. Чтобы ухаживать за такой женщиной или хотя бы подступиться к ней, нужны немалые средства. Букеты, подарки, такси – дамочка-то избалованная. Конечно, ничего ему бы не светило и с букетами, но мало ли какие фантазии в прыщавой голове обитают.

Украсть письмо за деньги, пожалуй, Борисов мог. А вот убить? Хотя такие вот неврастеньки самые опасные и есть. Именно из них маньяки получают.

Борисова проработать с особой тщательностью, пометил себе Коростылев.

Далее. Щукина. На приемах не бывает, за границу не выезжала, муж тоже все больше по родным просторам колесит. Сомнительно, но все равно проверим.

Затем Маковская и Кирилин. Люди пришлые, но для кражи письма вполне подходящие.

Маковская. Мать двух дочерей, обе еще школьницы. Муж умер вскоре после войны, осколочное ранение дало о себе знать. Живет в коммунальной квартире со свекровью. Та хоть на пенсии, но работает нянечкой в детском саду. Денег едва хватает. Могла она выкрасть письмо? Вряд ли. Все же двое детей, если посадят, дети, почитай, сиротами останутся. Да и беседовал он с ней. Усталая женщина, очень открытый взгляд, держится просто. Родители были рабочими на Кировском заводе, она первая в семье получила высшее образование. Отец с матерью умерли в блокаду. Нет, такая украсть не могла. Убить могла, если бы речь шла о спасении детей, украсть – нет. Но проверять придется и ее.

Наконец, Дмитрий Кирилин. Станный парень. Вроде ничего особенного – воспитанный, из хорошей семьи, отличник, активист. Длинный, чахлый какой-то. Но по комсомольской линии у него все в порядке, в университете на хорошем счету. Такому и деньги вроде не

особо нужны, мама с папой хорошо зарабатывают, отдельная квартира. Но есть в нем какая-то неопределенность, скользкий он, что ли. Сергей Игнатьевич даже объяснить это не мог. Но во время разговоров с Кирилиным у него было ощущение, что тот темнит, недоговаривает. Хотя все подозрения в краже и убийстве он отметал горячо и, кажется, искренне. И все равно ощущение второго дна не покидало. Усталость, наверное, сказывается. Да и тема, которой Кирилин занимается, с Трубецкими не связана. Но, может, именно такой с виду безупречный субъект и есть главный фигурант? Деньги ему не нужны, так острых ощущений захотелось или бабенка какая-нибудь подбила? Любовь – вещь опасная, из-за нее люди на любые безрассудства идут.

Коростылев вздохнул. Улик не хватает, вот в чем дело.

Его размышления прервал громкий стук в дверь. Не успел пробурчать недовольное «войдите», как в кабинет ворвался Жорка Николаев.

– Вот, Сергей Игнатьевич! – шлепнул на стол тоненькую серую папку на тесемочках. – Все, кто имел доступ к пропавшей единице хранения.

Стянул с головы шапку, вытер потный лоб и плюхнулся на стул возле стола начальника.

– Ты пальто-тоними, не на вокзале, – сердито заметил майор и взялся за тесемочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.